

Свящ. К. Прокъевъ.

БРАКЪ У ЧУВАШЪ.

КАЗАНЬ

Типо-литографія Императорскаго Университета

1903

Печатано по опредѣленіи Совѣта Общества Археологій, Исторіи и
Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ.

Секретарь Общества *Н. Горталовъ.*

Оттискъ изъ Извѣстій Общества Археологій, Исторіи и Этнографіи при
Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ 1903 г. т. XIX.

БРАКЪ У ЧУВАШЪ.

Въ разное время и разными лицами написано не мало статей и замѣтокъ о бракѣ чувашъ. Краткія замѣтки по этому вопросу находятся въ этнографическихъ трудахъ исторіографа Миллера ¹⁾, академиковъ Палласа, Георги, Рычкова и Лепехина ²⁾. Но эти замѣтки весьма кратки, неполны, при томъ—въ нихъ немало ошибокъ и неточностей. Это вполне понятно: указанные ученые пробыли въ Казанскомъ краѣ сравнительно не долго; языка мѣстныхъ инородцевъ они не понимали, поэтому знакомились съ бытомъ инородцевъ черезъ толмачей; нѣкоторые изъ нихъ сами лично не были даже ни въ одномъ инородческомъ селеніи и свои замѣтки писали на основаніи рассказовъ разныхъ служилыхъ людей г. Казани. Болѣе подробныя описанія чувашскаго брака находимъ въ этнографическихъ трудахъ и замѣткахъ, от-

¹⁾ Возвращаясь въ 1743 г. изъ ученаго путешествія по Сибири, онъ остановился въ Казани, собралъ нѣсколько свѣдѣній объ инородцахъ здѣшней губерніи и составилъ сочиненіе „Описаніе живущихъ въ Казан. губ. языческихъ народовъ“.

²⁾ Въ 1768—1773 гг. по повелѣнію Императрицы Екатерины II многіе изъ членовъ Академіи Наукъ были отправлены въ учное путешествіе для описанія Россіи. Изъ нихъ названные выше академики посѣтили и описали между прочимъ и Казанскій край. Они благосклонно удостоили своего вниманія и чувашъ.

носящихся къ прошлому вѣву, именно: у г-жи А. А. Фуксъ ¹⁾, у В. Сбоева ²⁾, у Прот. В. П. Вишневекаго ³⁾, у г. Нурминскаго ⁴⁾, у священника Н. Каменскаго ⁵⁾, у В. К. Магнитскаго ⁶⁾, у свящ. Гр. Львова ⁷⁾. Во всѣхъ указанныхъ трудахъ, за исключеніемъ статьи г. Магнитскаго (въ Каз. Губ. Вѣд.), чувашскій бракъ описывается только со стороны обрядовой, и то часто съ ошибками, и почти не затрагиваются вопросы юридическаго (правового) характера, какъ-то: о возрастѣ брачующихся, о родствѣ, о правахъ мужа и жены и др. При томъ, всѣ указанные авторы, говоря о бракѣ чувашъ, имѣли въ виду чувашъ только Казанской губ., преимущественно Чебоксарскаго и Ядринскаго уѣздовъ, и совершенно не касаются чувашъ другихъ губерній. Между тѣмъ, насколько можно судить по имѣющимся у насъ свѣдѣніямъ ⁸⁾, брачный ритуаль въ наиболѣе полной формѣ сохранился у чувашъ Симбирской губ. Поэтому, кажется, не лишня и не безынтересна будетъ для желающихъ познакомиться съ бытомъ и положеніемъ инородцевъ наша попытка описанія и изслѣдованія брака чувашъ.

¹⁾ Записки о Чувашахъ; стр. 26—71; также въ сборн. „Этнографія и статистика Каз. Губ.“ 1834 г., стр. 162—170, 211—212.

²⁾ Изслѣдованіе объ инород. Каз. губ. Казань, 1856 г., стр. 26—40; 75—76; 81, 158—162.

³⁾ О религ. повѣрьяхъ чувашъ, стр. 20—25.

⁴⁾ „Инор. приходы.“ Прав. Обзор. 1863 г., ноябрь.

⁵⁾ Соврем. остат. языч. и проч. Казань, 1879 г., стр. 26—29.

⁶⁾ „Очеркъ юридич. быта чувашъ“. Каз. Губ. Вѣд. 1868 г., №№ 85—89, 93; его же „Матер. къ объясн. стар. чув. вѣры“, стр. 200—218.

⁷⁾ „Языч. браки чув.“ Извѣст. по Каз. еп. 1898 г. № 10.

⁸⁾ Осенью 1901 г. нами были разосланы вопросныя пункты относительно брака чувашъ къ знакомымъ инородческимъ священникамъ разныхъ губерній, на которые и получены отвѣты отъ слѣдующихъ священниковъ: с. Шемурши, Симбир. г.. Ф. И. Иванова; с. Новыхъ Алгашей, Симб. г., В.

Форма заключенія брака. Брачный ритуаль у чувашъ бываетъ полный и неполный. Первый—когда чувашинъ женить сына „сурасса“, т. е. по предварительному *согласію и договору* съ невѣстой и ея родителями. Второй—когда чувашинъ женить сына „вѣрласа“, т. е. *похищая* невѣсту. Въ послѣднемъ случаѣ свадебный ритуаль совершается наскоро, съ значительными сокращеніями. Опишемъ первый, предварительно замѣтивъ, что брачный ритуаль совершается у чувашъ одинаково какъ у язычниковъ, такъ и у христіанъ.

Сватовство. Чувашская молодежь знакомится другъ съ другомъ чаще всего въ хороводахъ, которые начинаются недѣли за три до Троицы и продолжаются до „Семика“ ¹⁾, а мѣстами до сѣнокоса. Для знакомства съ молодежью чужихъ деревень служатъ „посидѣнки“ ²⁾, катанья съ горъ, куда выходятъ и пріѣхавшія изъ чужихъ деревень на посидѣнки дѣвушки (ларма хѣрсем), и базары. „Едва-ли кто такъ любить посѣщать базары, какъ чуваша; черѣдко они ѣздятъ на нихъ ни для чего болѣе, какъ, по ироническому выраженію русскихъ, „базаръ дѣлать“, и не отказываютъ въ этомъ удовольствіи обоюго пола молодежи, гдѣ послѣдняя и знакомится для будущихъ супружескихъ связей“ ³⁾. Поэтому нисколько не удивительно, что самъ женихъ у чувашъ на сватовство не ѣздитъ. Родители, задумавшіе женить сына, спрашиваютъ его, есть-ли у него на примѣтѣ невѣста, и въ большинствѣ слу-

Д. Дмитріева; с. Табурданова, Каз. г., В. Е. Ефремова; с. Стюхина, Самар. г., А. С. Михайлова. Многое о бракѣ чувашъ извѣстно пишущему эти строки, какъ природному чувашину, изъ личныхъ наблюденій и разспросовъ чувашъ разныхъ мѣстностей.

¹⁾ Праздникъ, начинающійся въ четвергъ предъ Троицей.

²⁾ Чуваш. дѣвушки очень любятъ ѣздить зимою къ родственникамъ съ пряжей на посидѣнки.

³⁾ Магнитскій, Каз. Губ. Вѣд. 1868 г., № 86.

чаевъ получаютъ утвердительный отвѣтъ. Въ случаѣ отрицательнаго отвѣта родители сами указываютъ ему невѣсту въ своей или въ одной изъ сосѣднихъ деревень, послѣ чего начинается сватовство. Родители ѣдутъ въ ту деревню, гдѣ живетъ невѣста, и останавливаются у родственника или знакомаго, котораго намѣтили выбрать „сватуномъ“ (йевѣ), ходатаемъ или посредникомъ въ дѣлѣ сватовства. Узнавъ о цѣли ихъ прїѣзда, сватунъ отправляется къ родителямъ невѣсты. Начинается бесѣда. Сначала идетъ рѣчь о постороннихъ предметахъ, потомъ постепенно и незамѣтно сватунъ сообщаетъ родителямъ невѣсты о цѣли своего прихода. Невѣста, смеянувъ въ чемъ дѣло, тотчасъ же уходитъ или въ клѣтъ (лѣтомъ), или къ сосѣдямъ (зимой). Разспросивъ о состояніи родителей жениха, о ихъ роднѣ, родители невѣсты, если найдутъ возможнымъ принять предложеніе, посылаютъ къ дочери сноху (если есть таковая въ домѣ, а если нѣтъ, идетъ сама мать) спросить, согласна-ли она выйти замужъ за такого-то. Въ случаѣ полученія утвердительнаго отвѣта между сватуномъ и родителями невѣсты начинается разговоръ относительно приданаго и калыма. Калымъ—денежная плата жениха за невѣсту—бываетъ, смотря по состоянію договаривающихся сторонъ, отъ 40 до 200 руб. и болѣе и соразмѣряется съ количествомъ и качествомъ приданаго. Въ составъ приданаго входятъ: лошадь (кобыла) или, по бѣдности, жеребенокъ, корова или телка, нѣсколько штукъ овецъ, шуба, кафтанъ, перина, подушки, войлокъ, женскія туалетныя, головныя и нагрудныя принадлежности изъ бусъ и серебряныхъ монеть, какъ-то: хушпу, тевет, алка, шелкѣе и др. ¹⁾ Всѣхъ туалетныхъ принадлежностей въ общей сложности бываетъ на сумму отъ 10 до 100 руб. и болѣе; кромѣ того выговаривается нѣсколько рубахъ и портовъ для жениха, подарки для жениховыхъ родителей, братьевъ и сестеръ, для родственни-

¹⁾ Подробное описаніе ихъ см. у г. Магнитскаго, Каз. Губ. Вѣд. 1868 г., № 85.

ковъ его, на которыхъ во время свадьбы будутъ возложены тѣ или другія „должности“. Въ Казанской губ., по сообщенію г. Магнитскаго, кромѣ того выговаривается еще для жениха: шапка, кушакъ, рукавицы и лапти ¹⁾. Общая (приблизительная) стоимость приданого и составитъ размѣръ калыма, съ надбавкой нѣкоторой суммы на справленіе брачнаго пиршества. Кромѣ денежнаго калыма выговаривается еще съ жениха въ пользу невестинной стороны нѣсколько четвертей водки, немного краснаго вина (для непьющихъ водки), отъ 10 ф. до 1 п. меду. По окончаніи договора относительно калыма и приданого, назначается день для формальнаго празднованія сватовства (сурасма). При этомъ строго наблюдается, чтобы сватовство не падало на тяжелый день, какъ-то: понедѣльникъ, среду. Иногда при этомъ совѣтуются даже съ „йомзей“ (знахарь, ворожея). Договорившись и условившись обо всемъ, сватунъ уходитъ домой, гдѣ ждутъ его родители жениха. Уходя изъ дому невесты, онъ оставляетъ тамъ кнутъ, почему и самый этотъ актъ брачнаго ритуала—предварительнаго сговора—называется „пушъ цѣрахни“—бросаніе или оставленіе кнута. Кнутъ этотъ служитъ внушительнымъ знакомъ того, что договоръ состоялся и что онъ не долженъ быть нарушенъ. Случаи нарушенія этого договора все-таки бывають, хотя и очень рѣдко. Въ такомъ случаѣ кнутъ возвращають обратно сватуну, почему и самый разладъ дѣла обозначается терминомъ: „пушъ тавѣрнѣ“ = кнутъ возвращенъ.

Ко дню, назначенному для формальнаго сватовства, родители жениха и невесты варятъ пиво, покупають вина, пекутъ „хѣпарту“ (хлѣбъ вродѣ ситнаго), припасаютъ „чигиты“ (сыръ). Въ назначенный день родители жениха, созвавши ближайшихъ родственниковъ и захвативши гостинцевъ: вина, пива, хлѣба и сыра, отправляются съ ними „сватать“ невесту (безъ жениха). При этомъ обращается вниманіе на то, чтобы число гостей, ѣдущихъ на сватовство, а равно и число

¹⁾ Тамъ-же.

хлѣбовъ и чигитовъ было никакъ не четное, такъ какъ женихъ и невѣста не составляютъ еще брачной *пары*. Исключеніе при этомъ дѣлается только для „ййваѣ“¹⁾, которыхъ берется очень много, безъ счету, чтобы у молодыхъ было много дѣтей. „Предъ выѣздомъ со двора наблюдается, чѣмъ испражнятыя заложеныя лошади во время сборовъ—мочей или каломъ; если первой, то поѣздъ откладывается, потому что моча предвѣщаетъ преждевременную и непремѣнную смерть жениха или невѣсты“²⁾. По сообщенію г. Миллера чуваша предъ выѣздомъ на сватовство колютъ пѣтуха: „Наипаче всего напередъ знать желаютъ, щастлива или нещастлива оная ѣзда будетъ; и того ради на дорогѣ предъ воротами колютъ пѣтуха и на землю бросаютъ. Ежели заколотый пѣтухъ не трепещется, то та ѣзда будетъ щастлива; буде-же онъ трепетаться будетъ, то они опасаются нещастія, и для того остерегаются“³⁾. „По выѣздѣ за ворота поѣзжане молятся на всѣ четыре стороны, знаменуя себя крестнымъ знаменіемъ (если брачующіеся—христіане); дорогой на перекресткахъ поѣздъ останавливается и бросаются мѣдныя деньги, кусочки хлѣба и сыра изъ взятыхъ въ суму (чтобы „ыръ-хайар сарылтѣр“—разсѣялись злые духи), монеты и хлѣбъ бросаютъ также въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ по близости находятся „киремети“ (мѣста обитанія злыхъ духовъ)⁴⁾. По приѣздѣ въ деревню невѣсты поѣздъ останавливается у сватуна и отражаетъ его къ родителямъ невѣсты спросить: могутъ-ли и готовы-ли они принять гостей. Тѣ отвѣчаютъ: „если Богомъ суждено вмѣстѣ намъ жить, пусть придутъ, готовы мы“. Услышавъ согласіе, гости идутъ въ домъ невѣсты, гдѣ уже къ тому времени собрались ближайшіе родственники невѣсты. Послед-

¹⁾ „Ййваѣ“—четыреугольныя и ромбовидныя печенія.

²⁾ Магнитскій, Каз. Губ. В. 1868 г., № 86.

³⁾ Описан. живущ., въ Казан. губ. язычск. народовъ. СПб. 1791 г. стр. 75.

⁴⁾ Вишневскій, стр. 24—25.

ная предъ приходомъ жениховой родни, нарядившись въ лучшее платье и дѣвичья украшенія, уходитъ опять въ амбаръ или къ сосѣдямъ. Жениховы родители, окончательно договорившись здѣсь предъ гостями о приданомъ и калымѣ, отдаютъ тутъ же весь калымъ или часть его; въ послѣднемъ случаѣ недоданная часть калыма отдается послѣ, но непременно до свадьбы. Послѣ этого родители жениха выставляютъ на столъ всѣ гостинцы, привезенные изъ дому. Тѣмъ временемъ приходитъ сюда, по приглашенію, невѣста и начинаютъ варить „хѣр шурпи“ (дѣвичью похлебку) непременно съ яйцами, употребленіе которыхъ служитъ знакомъ пожеланія, чтобы у молодыхъ было много дѣтей. Похлебку варятъ не пожилыя женщины, а непременно дѣвушки. Когда похлебка будетъ готова, ее наливаютъ въ блюдо и ставятъ на столъ. Дѣвушки разламываютъ (непременно разламываютъ, а не разрѣзаютъ ножомъ, даже нельзя разламывать, надавливая ногтемъ) привезенные гостинцы на кусочки и кладутъ ихъ предъ гостями. Затѣмъ, пріотворивъ немножко дверь, всѣ присутствующіе встаютъ на ноги, а родители жениха и невѣсты и нѣкоторые изъ гостей берутъ въ руки по ковшу пива и ктонибудь изъ присутствующихъ, болѣе свѣдущій въ молитвословіяхъ чувашъ, начинаетъ говорить молитву, обращаясь къ двери: „эй, бесмелле, аминь! на небѣ—Богъ, на землѣ—Царь: вамъ ¹⁾ молимся благопристойными устами, отъ чистой души и добраго сердца: да подастъ имъ (молодымъ) Господь доброе здоровье, знакомство съ добрыми людьми, да пошлетъ имъ многочадіе и долгоденствіе, чтобы дожить имъ до сѣдыхъ волосъ; да направитъ ихъ такъ, чтобы они при встрѣчѣ со старшими называли ихъ дядей, при встрѣчѣ съ младшими называли ихъ братцами, при встрѣчѣ со старухой—бабушкой, при встрѣчѣ съ дѣвушками—сестрицами“ ²⁾...

¹⁾ У чувашъ личность Царя окружается почти ореоломъ Божества.

²⁾ „Ей, пѣсмелле, аминь! сўлте—Турă, сёрте—Патша, сире кел-таватпăр лайăх вѣлхе-сăварпа, таса вунпа, прă

Нужно замѣтить, что у чувашъ нѣтъ однообразія въ молитвахъ: одна и та же молитва въ одной и той же мѣстности употребляется съ разными варіаціями, съ сохраненіемъ лишь общаго смысла. Настоящая молитва записана въ дер. Три-Избы-Шемуршѣ, Буин. у. По совершеніи молитвы мать невѣсты по кусочку хлѣба и сыра бросаетъ на печь въ честь домового, часть пива изъ ковша выливаетъ у двери и въ очагъ, остальное уже выпиваетъ сама въ честь благополучно начатаго дѣла. Пьютъ и другіе, приговаривая: „йўсе ёссе тутлă каласмалла пултăр“ = пусть будетъ такъ, чтобы пить намъ горько, говорить сладко. Послѣ этого чинно садятся за столъ и начинается угощеніе. Въ концѣ пира невѣста раздаетъ подарки: для жениха рубаху, отцу женихову и сватуну холста на рубаху, жениховой матери—сурбанъ ¹⁾, остальнымъ гостямъ по небольшому куску холста. Получивъ подарки, гости повязываютъ ихъ на руки повыше локтя или вѣшаютъ за кушакъ, чтобы всѣмъ было видно, и съ пѣснями возвращаются домой. Подарки они вѣшаютъ дома на видномъ мѣстѣ и показываютъ каждой посѣтительницѣ. Посѣтительницы съ интересомъ разсматриваютъ подарки и, потеревши ими губы, возвращаютъ хозяйкамъ со словами: „пустъ живутъ до сѣдыхъ волосъ“. По качеству подарковъ онѣ составляютъ мнѣніе о достоинствахъ невѣсты, хорошо-ли она умѣетъ ткать и шить, или нѣтъ. Такъ заканчивается второй актъ брачнаго ритуала чувашъ.

йăмăлпа, ырăлăх-сывлăх патăр, лайăх сынга паллашпа патăр, аѣа-пăфалă пулăр, ватăлса шурă сўслĕ пулăр, самрăксене курсан шăллăм темелле пултăр, карăва курсан асанне темелле пултăр, самрăк хĕрсене курсан йăмăк темелле пултăр“.

¹⁾ Сурбанъ—длинное полотенце съ красными каймами, которымъ замужня женщины повязываютъ голову такъ аккуратно, чтобы ни пряди волосъ не видно было. Онѣ не снимаются даже въ самую жаркую пору, даже во время жнитва.

Въ Казанской губ., по описанію г. Магнитскаго, эти два акта—предварительный сговоръ и формальное сватовство—совершаются вмѣстѣ, въ первый же приѣздъ ¹⁾). Но это, очевидно, ошибка. Формальному сватовству, по нашему мнѣнію, непременно долженъ предшествовать предварительный сговоръ въ такомъ или иномъ видѣ. Странно было-бы со стороны родителей жениха, если-бы они, не узнавши предварительно, принято будетъ ихъ предложеніе или нѣтъ, поѣхали къ нимъ прямо съ цѣлымъ поѣздомъ и съ гостинцами! Да и родители невѣсты должны же приготовиться заранее въ ихъ приѣзду.

Черезъ нѣсколько времени послѣ сватовства оба свата, отцы жениха и невѣсты, вмѣстѣ выѣзжаютъ на базаръ, взявши съ собой и жениха съ невѣстой. Родитель невѣсты покупаетъ тутъ приданое для невѣсты и разныхъ платковъ и тканей, которые должны идти въ подарокъ жениху и его роднѣ. Окончивъ покупку, сватья заходятъ въ кабакъ или на квартиру, гдѣ въ пріятной бесѣдѣ распиваютъ полштофъ водки, а женихъ съ невѣстой ходятъ въ это время по базару и знакомятся другъ съ дружкой, при чемъ женихъ угощаетъ невѣсту орѣхами и пряниками. Затѣмъ каждый ѣдетъ по своимъ домамъ. Изъ купленнаго товара невѣста со своими подругами начинаетъ шить приданое и подарки для жениховой родни. За нѣсколько дней до свадьбы родитель жениха еще разъ бываетъ у родителей невѣсты для окончательныхъ переговоровъ относительно свадьбы. Жениховъ родитель сообщаетъ будущему свату о томъ, сколько подводъ и верховыхъ будетъ у него въ свадебномъ поѣздѣ. Если женихъ и невѣста—христиане, то тутъ же назначается день вѣнчанія. Это свиданіе носитъ особое названіе: „кумуль чаль“—въ Казан. губ. ²⁾, и „пѣлѣзав“—въ Симбир. г. ³⁾ Смыслъ и того, и другого названія намъ непонятенъ.

¹⁾ Каз. Губ. Вѣд. 1868, № 86.

²⁾ Тамъ-же.

³⁾ Рукопись свящ. с. Шемурши о. Иванова.

Въ условленный для бракосочетанія день, обыкновенно за 3—4 дня до свадьбы, иногда и за недѣлю, невѣста съ кѣмъ нибудь изъ ближайшихъ своихъ родственницъ приѣзжаетъ въ церковь того прихода, къ которому принадлежитъ женихъ. Женихъ является въ церковь со свидѣтелями. По окончаніи вѣнчанія невѣста, ни слова не перемолвивъ съ женихомъ, ѣдетъ домой, а женихъ—въ свой домъ и не видится съ невѣстой ¹⁾ до самой свадьбы.

По поводу этого обычая г. Сбоевъ пишетъ; „Въ настоящее время брачный поѣздъ совершается не вездѣ одинаково: индѣ бывають поѣзды *малый* и *большой*,—дѣленіе, которое прежде было вовсе неизвѣстно. Малый поѣздъ есть просто поѣздъ жениха и невѣсты со свидѣтелями въ церковь для бракосочетанія, поѣздъ тихій, скромный, трезвый, несопровождаящійся никакими особенными церемоніями. По окончаніи бракосочетанія, молодая ѣдетъ въ свой домъ, а женихъ—въ свой. Я думаю, что наше православное духовенство особенно содѣйствовало и благопріятствовало учрежденію этого малаго поѣзда, замѣтивъ въ большомъ нѣкоторые слѣды язычества и не желая, чтобы таинство христіанское совершалось надъ пьяными и при пьяныхъ свидѣтеляхъ. Это отдѣленіе христіанскаго обряда и таинства отъ шумныхъ оргій дѣлаетъ честь попечительности и заботливости духовенства о своей паствѣ“ ²⁾. Конечно, обычай этотъ самъ по себѣ хорошъ и весьма похваленъ, въ томъ отношеніи, что чуваши приѣзжаютъ въ церковь къ бракосочетанію въ трезвомъ и благопристойномъ видѣ. Но источникъ его происхожденія, по нашему твердому убѣжденію, нельзя видѣть въ попечительности и заботливости нашего духовенства о своей паствѣ. Объясняется это тѣмъ, что чуваши, до сихъ поръ еще сильно приверженные къ прежнимъ

¹⁾ Собственно, она уже жена ему, но пока не сыграна свадьба и пока она не надѣла еще на голову сурбана, она у чувашъ не считается еще женою.

²⁾ Изслѣдов. объ инородцахъ, стр. 31.

языческими обычаямъ, не придаютъ существеннаго значенія христіанскому таинству брака и совершаютъ его заблаговременно для того, чтобы послѣ, во время свадьбы, не хлопотать и не путаться съ нимъ. По ихъ убѣжденію, пока не выполненъ еще отцами и прадѣдами установленный брачный ритуаль и пока на голову молодой не возложенъ еще сурбанъ, молодые не могутъ вступить въ супружескія отношенія, хотя бы они были вѣнчаны. Поэтому молодая и послѣ вѣнчанія продолжаетъ пользоваться эпитетами, приличествующими только дѣвушкамъ. Наоборотъ, въ случаѣ заключенія брака черезъ похищеніе невѣсты, молодая, тотчасъ послѣ свадьбы вступаетъ въ супружескія связи съ мужемъ и живетъ въ его домѣ, хотя вѣнчаніе въ такихъ случаяхъ откладывается часто на мѣсяць, полгода, и даже на нѣсколько лѣтъ. И это чувашиами вовсе не считается развратомъ, хотя развратъ сильно осуждается ими и встрѣчается между ними, какъ рѣдкое явленіе.

Въ Казан. губ. въ нѣкоторыхъ приходкахъ бракосочетаніе бываетъ въ самый день свадьбы и молодые послѣ вѣнца со всѣмъ свадебнымъ поѣздомъ тотчасъ отправляются въ домъ жениха ¹⁾).

Вернемся къ описанію брачнаго ритуала. Итакъ, день свадьбы уже назначенъ, христіанское бракосочетаніе совершено. Остается сыграть свадьбу. Свадьба у жениха и невѣсты начинается въ одинъ день, но совершаются отдѣльно и сходятся только на вторые сутки. Наканунѣ свадьбы одинъ мальчикъ или паренъ наряжается верхомъ для оповѣщанія родныхъ и односельчанъ о свадьбѣ. „Йихравсѣ“ (вѣстовой) ѣздитъ и выкрикиваетъ: „такой-то дочь выдаетъ, такой-то сына женить, пожалуйста на свадьбу: старые — пиво пить, молодые — свадьбу смотрѣть; всѣ, кто только въ состояніи дышать и ползать, идите свадьбу смотрѣть; „сарѣ“ ²⁾ привѣшивайте,

¹⁾ См. у Мачнитскаго, Матер. къ объясн. стар. чув. вѣры, стр. 213.

²⁾ Сарѣ—принадлежность туалета дѣвушки, привѣшивается сзади.

порты надѣвайте, а рубахи выговорены оттуда“, т. е. отъ невѣсты ¹⁾).

Свадьба жениха. На слѣдующій день родственники жениха, приблизительно около полудня, собираются въ домъ жениха. Прежде всего въ амбарѣ совершается одѣваніе жениха. Надѣваютъ на него новое и чистое бѣлье, новый кафтанъ или халатъ, подпоясываютъ кушакомъ, на руки — большія кожаныя рукавицы, сверхъ халата на спинѣ пришиваютъ „кѣрѹ сурпанѣ“ ²⁾, сверхъ него — „сулак“ ³⁾, на голову надѣвается мѣховая шапка, а въ руки дается ременная толстая нагайка (саламат). Въ Казан. губ. на шею ему надѣваютъ еще бисерное ожерелье ⁴⁾. Въ этомъ одѣяніи женихъ остается до конца свадьбы, даже въ избѣ сидитъ онъ непремѣнно въ кафтанѣ и шапкѣ, хотя бы и въ самую жаркую пору. Нагайка дается для отогнанія злыхъ духовъ и предотвращенія всякихъ наговоровъ злыхъ людей. Когда свадебный поѣздъ ѣздитъ изъ дома въ домъ по роднымъ жениха, женихъ при въѣздѣ въ каждый домъ ударяетъ нагайкой въ ворота, въ косяки дверей при входѣ въ сѣни и въ избу, и въ подушку, на которой онъ долженъ сидѣть во время пиршества. Пока женихъ одѣвается, скрипачъ ⁵⁾ играетъ на скрипкѣ. Одновременно съ женихомъ одѣваются тутъ же разные должностныя лица: мѣн-кѣрѹ, туй-пуцѣ, уртакъа. Одѣваніе ихъ простое и состоитъ въ томъ, что сверхъ кафтана они подпоясываются ку-

¹⁾ Чув. текстъ: „Сав сын хѣр паратъ, сав сын нвал авлантараѣ, аѣар туйа: ваттисем сѣра ёсме, самравсем-туй бурма. Самсине сывлан, вуѣе шаван-пырѣр туй курма; сарѣ савѣр, йѣм тахѣнар, кѣе лерен каласнѣ“.

²⁾ Это — короткое полотенце, съ вытканными на концахъ весьма красивыми узорами; дарится оно для жениха невѣстой во время сватовства.

³⁾ Это — трехугольный платъ съ бахромами на бонцѣ.

⁴⁾ Каз. Губ. Вѣд. 1868, № 88.

⁵⁾ Въ Каз. г. вмѣсто скрипки употребляются пузырь и гусли.

шакомъ, къ бушаку привѣшиваютъ платокъ, а уртакъ сверху того перевѣшиваетъ черезъ правое плечо двѣ кожаныя сумки. Обязанности указанныхъ лицъ состоятъ въ слѣдующемъ. „Мѣн—кѣрѹ“,—церемоніймейстеръ, хлопотунъ; онъ произноситъ вездѣ рѣчи или спичи (такмак). Должность эта очень хлопотливая, требующая большой опытности. Онъ долженъ быть остроуменъ, находчивъ и хорошій знатокъ свадебныхъ церемоній. „Туй—пусѣ“,—начальникъ свадебнаго поѣзда, администраторъ. Онъ надзираетъ за свадебнымъ поѣздомъ, онъ сообщаетъ всѣмъ, къ кому долженъ заѣхать поѣздъ, слѣдить—всѣ-ли въ поѣздѣ цѣлы и невредимы. Ѣздить всегда предъ поѣздомъ. Онъ не долженъ быть пьянымъ. „Уртакъ“—носильщикъ сумокъ со съѣстными припасами. Въ каждомъ домѣ, гдѣ бываетъ свадебный поѣздъ, онъ беретъ со стола понемногу сыра, жаренаго и засушеннаго мяса (шѣрттан) и хлѣба. Когда поѣздъ переѣзжаетъ изъ одной деревни въ другую, начальникъ въ полѣ останавливаетъ поѣздъ и спрашиваетъ, не угодно-ли кому закусить. Желающіе и адресуются тогда къ уртакъ. Въ Казан. г. уртакъ называется „кѣсѣн—кѣрѹ. Кроме ношенія сумокъ на немъ лежитъ обязанность вести за поводъ лошадь музыканта при переѣздѣ поѣзда изъ дома въ домъ, такъ какъ музыкантъ долженъ и во время переѣздовъ, сидя верхомъ на лошади, играть на своемъ инструментѣ.

Пока женихъ одѣвается, въ избѣ всѣ гости сидятъ чинно и ждутъ. Родители жениха сидятъ за столомъ съ наполненными пивомъ ковшами. По окончаніи обряда одѣванія женихъ въ сопровожденіи „мѣн—кѣрѹ“ и „туй—пусѣ“, входитъ въ избу, подходитъ къ столу, дѣлаетъ земной поклонъ родителямъ и становится предъ ними на колѣни, собственно—на корточкахъ. Отецъ благословляетъ его со словами: „дитя мое! съ нынѣшняго дня ты отдѣляешься отъ нашей постели и отъ нашего бѣлья: да пошлетъ тебѣ Богъ здоровье, многочадіе, долгоденствіе, чтобы дожить вамъ съ подругой до сѣдыхъ волосъ, при встрѣчѣ со старшими—дядей ихъ называй, при встрѣчѣ съ младшими—братцами ихъ называй; отъ зла отвра-

щайся, къ добру навстрѣчу иди“¹⁾). Тогда отецъ и мать жениха выпиваютъ имѣющееся въ ихъ ковшахъ пиво, наливаютъ вновь и подаютъ, здравствуясь (тав—туса), одинъ—церемоніймейстеру, а другая—начальнику поѣзда. Первому подается пиво въ совершенно новомъ ковшѣ и, подавая ему, отецъ произноситъ слѣдующія слова; „ак сана пѣр курка, ѡна йулташ тепѣр курка илсе кил“ = вотъ тебѣ одинъ ковшъ, привези обратно пару ковшей. Церемоніймейстеръ выпиваетъ пиво, а ковшъ отдаетъ носильщику, который прячетъ его въ кожаную сумку. Послѣ, мы увидимъ, онъ кладетъ туда другой ковшъ, которымъ отецъ невѣсты благословляетъ свою дочь. Взявъ другой ковшъ, отецъ подноситъ въ немъ пиво жениху, носильщику и скрипачу. Затѣмъ родители встаютъ, а другіе всѣ усаживаются: на самое почетное мѣсто—церемоніймейстеръ, рядомъ съ нимъ съ правой стороны женихъ, уртакъсѣ, музыкантъ и другіе приглашенные гости (мушцины), а съ лѣвой стороны—начальникъ поѣзда съ женой, жена церемоніймейстера и жены другихъ гостей. Подаются кушанья и начинается угощеніе и веселіе, съ музыкой, пляской и пѣснями²⁾). Давши немного

¹⁾ „Ей аѡам! пайанхи кунтан есѣ пиртен уйрѣлатѣн, пирѣн вырѣнтан, пирѣн кѣпе-йѣмрен уйрѣлатѣн; Турѣ сана ырѣлѣх-сывлѣх патѣр, вѣрѣм ѣмѣрлѣ тутѣр, аѡа-пѣѡа патѣр, мѣшѣрпа ватѣлиѡѡен пурѣнмалла пултѣр; ваттисене курсан пѣѡѣ те, сѣмрѣкне курсан шѣллѣм те; усала тѣртѣн пул, ыра хирѣс пул“.

²⁾ По словамъ г. Миллера, „у чувашъ есть такое обыкновеніе, что у жениха и у невѣсты на пирушкахъ ставятъ на столъ блюдо съ хлѣбами, и въ оныя втыкаютъ стрѣлы, на которыя кладется головной уборъ чувашскихъ бабъ, который у нихъ Тастаръ называется. У жениха на пирушкѣ кладутъ Тастаръ матери, или сестры его, а у невѣсты тотъ Тастаръ, который и послѣ на нее, какъ на жену, надѣваютъ. На оное блюдо каждой изъ гостей новобрачнымъ кладетъ по нѣскольку копеекъ“ (Описаніе живущ. въ Каз. г. языч. народовъ, стр. 72). Кажется, этотъ обычай существуетъ и теперь, хотя положительнo утверждать не можемъ.

повеселиться гостямъ, отецъ жениха даетъ уртаксай гостинцевъ со словами: „байа ан илсе кил, ирттерсе илсе кил“ = привези не меньше того, что получаешь, а съ избыткомъ. Этими словами онъ выражаетъ желаніе, чтобы у молодыхъ было изобиліе въ земныхъ плодахъ. Затѣмъ, указывая гостямъ на церемоніймейстера, онъ говоритъ: „вотъ вамъ распорядитель: что онъ велитъ, исполняйте, изъ его словъ не выходите“. Послѣ этого вся свадебная свита отправляется въ другой домъ, къ родственникамъ жениха, а родители остаются дома. До вечера слѣдующаго дня свита ѣздитъ изъ дома въ домъ по роднымъ жениха, не исключая родственниковъ, живущихъ и въ другихъ деревняхъ. Ночуютъ у кого-нибудь изъ родственниковъ. Женихъ, мѣн-кѣрѹ, уртаксай и музыкантъ, а мѣстами и дружки жениха, ѣздятъ верхомъ. Начальникъ поѣзда съ женой и другіе поѣзжане—въ телѣжкахъ. Вышедши изъ дому родителей жениха, уртаксай съ ведромъ пива въ рукахъ становится посреди двора и свита, сидящая на лошадяхъ, объѣзжаетъ его кругомъ. Это повторяется на улицѣ у воротъ жениха и того родственника, къ которому первому пріѣзжаетъ брачный поѣздъ. Въ каждомъ домѣ хозяинъ встрѣчаетъ поѣздъ, стоя на крыльцѣ съ ведромъ пива. Подѣхавъ къ крыльцу, свита останавливается, церемоніймейстеръ говоритъ хозяину привѣтственную рѣчь (таьмак), потомъ верховые всѣ дѣлаютъ кругъ на дворѣ, и опять церемоніймейстеръ говоритъ краткую рѣчь; хозяинъ подноситъ ему пива, затѣмъ всѣ гости входятъ въ избу и усаживаются въ томъ же порядкѣ, какъ въ домѣ жениха. Уѣзжая, мѣн-кѣрѹ опять говоритъ хозяину благодарственную рѣчь.

Обѣхавъ всѣхъ родныхъ жениха, вечеромъ слѣдующаго за началомъ свадьбы дня поѣздъ отправляется за невѣстой.

Пріѣхавъ въ деревню невѣсты, поѣздъ останавливается сначала у сватуна (йевзѣ). Пока свита веселится въ домѣ сватуна, начальникъ поѣзда отправляется въ домъ невѣсты. Къ этому времени пріѣзжаютъ туда и родители жениха, захвативъ съ собою гостинцы, выговоренные во время сватов-

ства, какъ-то: вино, пиво въ боченкѣ ведеръ въ восемь ¹⁾ и медь. Потомъ туда же является сватунъ и спрашиваетъ у отца невѣсты: „все-ли выполнено? въ достаточной-ли степени оказана тебѣ честь?“—пур те тулли пулѣ-и? сирѣн ъыс ситрѣ-и? Тотъ отвѣчаетъ: „со стороны свата чести мнѣ оказано достаточно“—(Мана хѣтаран ъыс ситрѣ; подразумѣвается, что все выговоренное онъ получилъ). Потомъ сватунъ говоритъ: „ждете-ли и рады-ли принять свадебный поѣздъ этого свата?“—сав хѣтанѣн туй халѣхне хапѣл тѣватра, кѣтетре? Тотъ отвѣчаетъ: „по древнему обычаю ждемъ, рады принять“—авалхи йѣлапа кѣтетпѣр, хапѣл тѣватпѣр. Тогда сватунъ отправляется къ себѣ домой и приводитъ оттуда свиту въ домъ невѣсты. Родители невѣсты ждутъ на крыльцѣ. Поѣздъ останавливается предъ ними и церемоніймейстеръ говоритъ: „сватя! не оставляете-ли вы древнихъ обычаевъ? не вводите-ли новыхъ обычаевъ? Нашъ дядя (поминаетъ имя отца жениха) сорокъ женщинъ и пятьдесятъ мужчинъ привелъ на свадьбу: ни одного нѣтъ чужого, всѣ—наши братья и сестры. Ждете-ли ихъ? рады-ли принять ихъ“ ²⁾. Тѣ отвѣчаютъ: „ждемъ, рады принять“, и тотчасъ вводятъ въ избу начальника поѣзда съ женой и посаженныхъ родителей молодыхъ ³⁾. Вошедши въ избу, начальникъ становится посреди избы и краткой рѣчью привѣтствуетъ невѣстину отца. Тотъ подноситъ ему въ громадномъ деревянномъ ковшѣ (алтѣрпа, стакановъ на 15) пива, подслащеннаго

¹⁾ Но уже никакъ не въ *сорокъ*, какъ утверждаетъ г-жа Фуксъ. Столь почтенной величины бочекъ, какъ справедливо замѣчаетъ г. Сбоевъ, никогда не бывало у чувашъ. Исслѣдованіе...., стр. 32.

²⁾ „Ей хѣтаѣм! авалхи йѣлана пѣрахмастѣр—и? сѣнѣрен йѣла кѣлармастѣр—и? Пирѣн сав пиѣзе хѣрѣх арѣм, алѣ арѣын пустарса килѣ туйа: пѣри те йут мар, пурте хамѣр тѣвансем. Вѣсене кѣтетре, хапѣл тѣватра“?

³⁾ У русскихъ посаженные родители бываютъ только тогда, когда у молодыхъ не бываетъ въ живыхъ своихъ родителей, а у чувашъ они бываютъ непременно, и при жизни родителей. Называютъ ихъ „хѣйматѣх“, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ — „атадѣх“.

медомъ. Этотъ говоритъ ему: „нѣтъ, свать, этотъ ковшь къ тебѣ ближе, чѣмъ ко мнѣ“. Если онъ не догадается этого сгазать, то въ наказаніе заставляють его выпить пиво до дна. Тогда невѣстинъ отецъ самъ сначала отвѣдаетъ пива, здоровствуясь съ начальникомъ, и потомъ подноситъ ему. Когда невѣстинъ отецъ пьетъ пиво, начальникъ дѣлаетъ ему земной поклонъ. Послѣ этой церемоніи эти гости усаживаются за столъ. Между тѣмъ остальные поѣзжане все еще стоятъ у крыльца, не слѣзая съ лошадей. Невѣстинъ отецъ выходитъ опять туда съ пивомъ и спрашиваетъ: „на коняхъ-ли пріѣхали, или пѣшкомъ пришли?“ Церемоніймейстеръ отвѣчаетъ: „на коняхъ мы пріѣхали: пѣшкомъ насъ не отпускайте отсюда, на коняхъ проводите“. Въ этихъ словахъ намекается на то, чтобы отецъ не отпустилъ своей дочери безъ приданого коня. Церемоніймейстеру подносится пиво въ новомъ ковшѣ, которымъ отецъ благословлялъ невѣсту. Пиво онъ выпиваетъ, а ковшь вручаетъ „уртакъа“, который прячетъ его въ сумку. Послѣ этого церемоніймейстеръ говоритъ хозяину: „саламалик! привѣтствіе вамъ! пьете-ли, ѣдите-ли? веселитесь-ли, смѣетесь-ли? вы насъ ждете-ли?“—ѣе саламалик, тав сире! ъсетре, сийетре? вылатра, кулатра? есир пире кѣтетре? Тотъ отвѣчаетъ: „наше жданье—вотъ въ этомъ“—пирѣн кѣтни—сава, т. е. чѣмъ богаты, тѣмъ и рады. Церемоніймейстеръ говоритъ: „тав—та пулин тавах, тата та пулин тавах“=благодаримъ васъ, благодаримъ, еще и еще благодаримъ. Послѣ этого со всѣми верховыми поѣзжанами онъ дѣлаетъ кругъ на дворѣ, опять подѣзжаетъ къ крыльцу и повторяетъ тотъ же вопросъ и отвѣтъ. Это продѣлывается до трехъ разъ, а невѣстинъ отецъ все еще стоитъ на крыльцѣ съ пивомъ. Подѣзжавъ къ крыльцу въ третій разъ, церемоніймейстеръ произноситъ очень длинную рѣчь (тамак), въ которой въ пышныхъ поэтическихъ выраженіяхъ восхваляются богатство и добродѣтели хозяина и испрашивается у него позволеніе для свадебной свиты повеселиться въ его домѣ. Рѣчь эта въ разныхъ мѣстахъ употребляется съ разными варіаціями и важна для

этнографа и историографа для характеристики чувашской поэзии и въ томъ отношеніи, что въ ней имѣются нѣкоторыя данныя, могущія пролить свѣтъ на историческое прошлое чувашскаго народа. Вотъ одинъ образчикъ такой рѣчи, записанной въ деревнѣ Три-Избы—Шемуршѣ.

«Семь дней (прошло съ тѣхъ поръ), какъ задумали выѣхать и три дня—какъ мы выѣхали. Кони наши оказались тощими, дороги оказались грязными: не успѣли мы ко времени, не осудите вы насъ, съ повинной головой стоимъ мы передъ вами (всѣ кланяются). Шестьдесятъ верстъ ѣхали мы по дремучимъ лѣсамъ, семьдесятъ верстъ—по дикимъ степямъ. Проезжая шестьдесятъ верстъ дремучимъ лѣсомъ, мы встрѣтили одного оленя: концы его роговъ золотые, а концы копытъ—серебряныя; рогами царапаетъ—слѣдъ проложить, копытами ступить—дорогу проложить. Этой дорогой ѣхали мы. Это—поѣзжане мои: не осуждаете ли вы насъ? ждете ли насъ? рады-ли намъ? Встрѣчающій отвѣчаетъ: «ждемъ мы, рады мы вамъ». Тотъ опять продолжаетъ: «Проезжая семьдесятъ верстъ дикими степями, встрѣтили мы крылатаго армагака: голова его (чуть) неба не касается, ноги его земли не касаются; идетъ-ли, бѣжитъ-ли—и не примѣтно: течетъ, какъ вода летитъ, какъ вѣтеръ. На этомъ армагакѣ верхомъ пріѣхали мы на эту свадьбу. Среди дикой степи—круглое озеро, по срединѣ озера—золотой столбъ, на золотомъ столбѣ—птица орелъ: ноги его мѣдныя, крылья серебряныя, клювъ золотой; ногами топаетъ, крыльями хлопаетъ, клювомъ наигрываетъ: подъ эту игру мы и пріѣхали сюда. Когда мы подъѣзжали по этой дорогѣ, деревня этихъ сватовъ нашихъ показалась намъ съ цѣлымъ городъ, въѣхали въ улицу—улица показалась съ цѣлымъ селомъ, подъѣхали къ дому—домъ показался съ контору¹⁾: ворота о четырехъ столбахъ съ тремя растворами, крыша желѣзная, ворота стекляныя, пеглы мѣдныя, скобки серебряныя; эти ворота въ вѣтреную погоду стучать, въ солнечную погоду блестять. Нашъ сватъ, растворивши ворота, ждетъ насъ съ великимъ радушіемъ. Когда въѣдешь въ ворота—дворъ у нашего свата очень великъ: ширина его тридцать шаговъ, длина шестьдесятъ шаговъ, на шестидесяти шагахъ шестьдесятъ столбовъ, на каждомъ столбѣ шестьдесятъ колець, изъ шестидесяти колець не уступить ли намъ сватъ одно кольцо, чтобы привязать намъ лошадей для отдыха: не я прошу, женихъ проситъ. Даже и орелъ не обходится безъ того, чтобы, полетавши, не сѣсть потомъ на можжевеликъ (?) для отдыха. У свата нашего посреди двора шестисаженный домъ стоитъ: снаружи посмотришь—8 угловъ, внутрь войдешь—4 угла; изъ 4 угловъ не уступить ли нашъ хозяинъ нашимъ поѣзжанамъ хоть одинъ уголь войти и постоять (Сватъ отвѣчаетъ: «съ нашей стороны нѣтъ запрета»). Внутри этого дома 99 половицъ и 88 лавокъ; изъ 99 половицъ не уступить ли намъ хоть одну,

¹⁾ Конторой чуваша называютъ волостное правленіе.

чтобы по древнему обычаю поплясать и повеселиться намъ? Не я это говорю, а женихъ говорить; не только мы играемъ, даже и въ степи по Божьему повелѣнію зарница играетъ. Изъ 88 лавокъ хоть одна лавка не будетъ-ли уступлена нашимъ поѣзжанамъ посидѣть, отдохнуть. Не я прошу, женихъ просить: не только мы, даже и орелъ не обходится безъ того, чтобы, полетавши, не сѣсть потомъ на можжевелникъ для отдыха. Въ шестисаженномъ домѣ стоитъ у свата столъ на шести ножкахъ; на одномъ концѣ этого стола стоитъ душистый медъ, на другомъ концѣ—сладкая сыта, между душистымъ медомъ и сладкой сытой стоитъ золотое блюдо, на золотомъ блюдѣ блестящій кубокъ такъ и играетъ: не будетъ ли позволено и намъ поиграть и повеселиться, подобно этому кубку? Нашъ свать къ пріѣзду этого свадебнаго поѣзда сварилъ, говорятъ, пиво, варилъ его, говорятъ, въ семь пріемовъ, каждый разъ изъ семи батмановъ (солода). Въ погребѣ имѣется запечатанная бочка, бочка эта, говорятъ, съ сорока обручами и двумя жалейками: изъ одной жалейки течетъ душистый медъ, изъ другой—сладкая сыта. Выпьешь душистаго меда—пьянь будешь, выпьешь сладкой сыты—сладкія рѣчи начнешь говорить. Къ этому пиршеству приготовлены кушанья: былъ у него ссмилѣтній быкъ, въ продолженіе семи лѣтъ и семь разъ не былъ онъ въ стадѣ, въ этомъ году закололи его къ свадебному столу въ честь нашего молодца. Для второго блюда у него имѣлся пятилѣтній черный баранъ, въ продолженіе пяти лѣтъ онъ и пять разъ не былъ въ стадѣ, онъ бодался и головой и задомъ, а нынѣ закололи этого барана въ честь свадьбы нашего молодца. Для третьяго блюда имѣлся у него трехлѣтній пырень, въ продолженіе трехъ лѣтъ и три раза не слеталъ на землю, все ходилъ и леталъ онъ раскрывшись по ковылку на строеніи, а въ нынѣшнемъ году по Божьему опредѣленію этого пыреня сшибло съ крыши бурей, свать закололъ и приготовилъ его къ свадебному столу. Къ тому времени, когда гости наѣдятся и напьются, имѣется у свата наготовѣ фруктовъ садъ, а въ томъ саду стоитъ баня, выстроена та баня изъ можжевелника (?), крыша желѣзная, полки хрустальныя, каменка коралловая, паръ сладокъ, какъ сыта, вѣникъ изъ шелку, корыто мѣдное, ковшъ серебряный. Свать нашъ хочетъ, говорятъ, весь нашъ поѣздъ вымыть въ этой банѣ. Къ выходу изъ бани у свата нашего приготовлено угощеніе. Есть у него трехведерный самоваръ, стоитъ и шипитъ, какъ 12-тиголовая змѣя. Вокругъ самовара стоятъ 12 паръ чашекъ, наполненныхъ чаемъ, приготовлено это для угощенія нашихъ поѣзжанъ. Нашъ свать, оказывается, очень добродушенъ: у крыльпа его стоитъ на привязи золотогривый, серебрянокопытый сѣро-яблочный конь, приготовленъ онъ для того, чтобы послать нарочнаго звать тѣхъ, которые не пріѣхали на свадьбу.

Довольно-ли съ тебя, сватушка? Больше этого нѣтъ у меня словъ, больше тебя нѣтъ для насъ милѣе человѣка. Если не достаточно, восполни-те, если лишнее, не осудите. Привѣтъ тебѣ, сватушка, кланяюсь тебѣ (кланяются). Поклонную (повинную) голову мечъ не сѣчетъ, мое слово васъ не пройметъ. Привѣтъ тебѣ и поклонъ! (кланяется)¹⁾.

¹⁾ Чувашскій текстъ этой рѣчи см. въ концѣ, приложение № 1.

Послѣ этихъ церемоній поѣзжане слѣзаютъ съ лошадей и входятъ въ избу. Начинается угощеніе ¹⁾. Сначала совершается молитва. Всѣ встаютъ на ноги и обращаются къ двери, которая немножко приотворяется. Начальникъ поѣзда держитъ на блюдѣ жаренаго, цѣльнаго гуся, невѣстинъ отецъ—ковшъ съ пивомъ, мать—хлѣбъ. Одинъ изъ присутствующихъ говоритъ молитву: „На небѣ—Богъ, на землѣ—Царь; благодаримъ, кланяемся: дай (молодымъ) доброе здорovie и всякое благополучіе; дай этимъ сватъямъ вѣкъ дѣлиться другъ съ другомъ хлѣбомъ—солью, чтобы пить имъ горькое, говорить сладко. У гусей (у каждой гусыни) чтобы было по 12-ти гусятъ, по одному—для ястреба, по 11-ти—для хозяевъ, для угощенія родныхъ, сосѣдей и односельчанъ“. По окончаніи молитвы хозяинъ подходитъ къ двери и дѣлаетъ земной поклонъ. Потомъ, подошедши къ столу, онъ предлагаетъ начальнику поѣзда разломить гуся. Тотъ, послѣ предварительнаго торжественнаго омовенія рубъ предъ всѣми гостями, разламываетъ гуся на части, но непременно на нечетное число частей. Невѣстинъ отецъ говоритъ ему: „почему это ты разломилъ на нечетное число частей“? Тотъ отвѣчаетъ: „человѣкъ сначала рождается *одинъ* (въ нечетномъ числѣ), потомъ дается ему отъ Бога подруга (*для пары*)“ ²⁾. Если онъ не смекнетъ сказать это, то свать дергаетъ его за ухо. Въ такомъ случаѣ начальникъ для восстановления своего поколебленнаго престижа говоритъ свату; „свать! безъ того не бываетъ, чтобы добрый вонъ не спотыкнулся, чтобы и добрый человѣкъ не ошибся“ ³⁾. Послѣ этого начинается угощеніе и

¹⁾ Въ Ядрин. и Козмодем. уѣздахъ предъ началомъ угощенія „вѣсен-кѣрѣ“ на дворѣ дѣлаетъ выстрѣлъ изъ лука. См. Каз. Губ. В. 1868, № 88.

²⁾ „Турă малтан сынна *хăраххăн* суратай, унтан âна мăшăр парай.

³⁾ „Хата! ырай ут таванмасар пулмĕ, ырай сын йăнăш-масар пулмĕ“.

веселіе. Пока гости угощаются и веселятся, уртакъй не забываетъ своей обязанности: онъ вынимаетъ изъ сумей съѣстные припасы, взятые изъ дому жениха, и на мѣсто ихъ кладетъ новыя со стола невѣстина отца, но только въ большемъ количествѣ, чѣмъ было взято изъ дома жениха, чтобы у молодыхъ все болѣе и болѣе приумножалось изобиліе плодовъ земныхъ.

Все, описанное здѣсь, относится къ свадьбѣ жениха. Невѣста съ своей свитой въ это время справляетъ свою свадьбу самостоятельно.

Свадьба невѣсты. Свадьба невѣсты начинается одновременно со свадьбой жениха. Когда соберутся въ домъ невѣсты родственники и дружки ея (дѣвушки, ея подруги), невѣсту ведутъ въ амбаръ одѣвать. Въ избѣ остаются только ея родители и пожилые гости. Одѣвшись въ лучшее платье и украшенія, она сверху покрывается бѣлымъ покрываломъ съ распитыми краями (цѣркенѣкъ) такъ, что оставляетъ только небольшое отверстіе предъ глазами. Тогда начинаютъ учить ее прощальнымъ причитаніямъ (йѣртме). Собственно, каждая дѣвушка знаетъ эти причитанія съ дѣтскаго же возраста, но въ данную минуту она не можетъ сразу начать отчасти вслѣдствіе стѣсненія, отчасти—вслѣдствіе волненія въ виду приближающейся разлуки съ родительскимъ домомъ. Одна изъ женщинъ садится рядомъ съ невѣстой подъ ея покрываломъ и начинаетъ причитаніе. Скрипачъ въ одинъ тонъ съ нею начинаетъ наигрывать то же самое на скрипкѣ. Потомъ женщина отстаетъ, а невѣста пристаётъ къ скрипачу, сначала тихо и робко, потомъ громче и смѣлѣе. Скрипачъ отстаетъ и невѣста причитаетъ одна. Сначала она поминаетъ своихъ односельчанъ, болѣе извѣстныхъ или по своему богатству, или скромностью и усердіемъ въ труду, или многочадіемъ, а потомъ—присутствующихъ тутъ зрителей. Затѣмъ невѣсту ведутъ въ избу. Родители въ ожиданіи ея сидятъ у края стола съ ковшомъ пива въ рукахъ. Дочь подходитъ къ нимъ и становится предъ ними на колѣни. Родители благослов-

ляют¹⁾ ее приблизительно съ такими же словами, съ какими благословляли жениха его родители. Дочь съ непритворными слезами говоритъ имъ: „я, видно, стала вамъ лишняя“²⁾. Тѣ отвѣчаютъ: „дитятко наше! не нами установленъ обычай этотъ, а изстари, отъ дѣдовъ и прадѣдовъ идетъ этотъ порядокъ“³⁾. Затѣмъ, здравствуясь съ дочерью, пьютъ пиво, сначала сами, а потомъ подносятъ дочери. При этомъ отецъ даетъ ей немного денегъ со словами: „дитятко! денегъ много не даю тебѣ, а даю большое благословеніе: да подастъ тебѣ много Богъ“⁴⁾. Послѣ этого дочь съ друзьями садится на нарахъ предъ печкою (тѣпелте) и начинаетъ причитывать, поминая родителей, родственниковъ, друзей и односельчанъ своихъ въ риемованныхъ стихахъ⁵⁾. Причитываетъ она съ небольшими паузами во все время свадьбы, такъ что въ концу свадьбы совсѣмъ почти лишается голоса. Каждому, или каждой, кого она поминаетъ, подносится при этомъ ковшъ пива. Тѣ выпьютъ пиво и кладутъ въ ковшъ (хотя не всѣ) небольшую монету денегъ для неvěсты. Когда гости угостятся и повеселятся немного въ домѣ неvěсты, поѣздъ отправляется по ея рѣднымъ, сначала въ своей деревнѣ, а потомъ и въ другія деревни. Во всѣхъ домахъ въ качествѣ обязательнаго блюда подается похлебка (шѣрпе) съ яйцами, для того, чтобы у молодыхъ было много дѣтей. Изъ должностныхъ лицъ въ свитѣ неvěсты бываетъ только началь-

1) Нужно замѣтить, что при благословеніи какъ жениха, такъ и неvěсты, хотя-бы они были и христіане, не употребляется ни иконъ, ни крестнаго знамени.

2) „Елѣ сиртен ытлаши пултӑм пулӑ“.

3) „Ей аѣам! пирген тухнӑ йӑла мар, авалтан ваттисем ӗӗларнӑ йӗрке-ске“.

4) „Аѣам! сава уѣса нумай памастӑп, пиллӗх нумай паратӑп; Турӑ сава нумай патӑр.“

5) Одинъ образчикъ такой пѣсни или причитанія, записанной въ дер. Среднихъ Алгашахъ, Симб. г., см. прилож. № 2 (чувашскій текстъ) и № 3 (русскаго перевода).

никъ поѣзда, который руководить и надзираетъ за свитой и, кромѣ того, носить подушку, на которой сидитъ невѣста. Ѣздить невѣста съ друзьями въ кибиткѣ на тройкѣ, но не сидя, а стоя, прислонившись къ верху кибитки ¹⁾). Съ начала свадьбы до конца невѣста не дѣлаетъ ни шагу пѣшкомъ: изъ избы до кибитки и обратно вездѣ носить ее кто-нибудь изъ мужчинъ ея свиты.

Обѣхавъ всѣхъ своихъ родственниковъ, вечеромъ слѣдующаго дня невѣста со свитой возвращается въ свою деревню и останавливается у кого-нибудь изъ родныхъ. Въ это время женихъ со своей свитой сидитъ уже въ домѣ невѣсты. Друзки невѣсты отправляются туда „дразнить“ жениха. Дѣлается это такимъ образомъ. Одинъ изъ родственниковъ невѣсты беретъ ведро пива, а хозяйка того дома, гдѣ остановилась невѣста, беретъ хлѣбъ на блюдо, на хлѣбъ кладется сыръ, сверхъ хлѣба и сыра—рубаха, предназначенная жениху, и невѣстинъ сурбанъ съ платкомъ, Начинается процессія: впереди идетъ человекъ съ ведромъ, за нимъ—хозяйка съ блюдомъ, а за ними уже—друзки. Вышедши на средину двора, человекъ съ пивомъ ставитъ ведро на землю, а самъ становится около него на одно колѣно, а дружки въ предшествіи женщины съ блюдомъ три раза обходятъ его (по солнцу) съ пѣснями, хлопая въ ладоши и приплясывая. То же самое продѣлывается у воротъ того дома и на дворѣ невѣсти-на отца. Вошедши въ избу, ведро и блюдо ставятъ на столъ предъ женихомъ. Друзки, хлопая въ ладоши, начинаютъ пѣть предъ нимъ пѣсни риемованными стихами, всячески унижая жениха и восхваляя невѣсту ²⁾). Потомъ уходятъ всѣ къ невѣстѣ. Немного погодя опять приходятъ такимъ же образомъ и дразнятъ жениха. Это дѣлается до трехъ разъ. Вернувшись

¹⁾ Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Казанской губ. невѣста Ѣздитъ верхомъ на лошади въ сѣдлѣ.

²⁾ Образчикъ такой пѣсни, записанной въ деревнѣ Три-Избы-Шемуршѣ, Симб. г., см. прилож. №№ 4 и 5.

къ невѣстѣ въ послѣдній разъ, дружки начинаютъ одѣвать невѣсту „бабой“. Снимаютъ съ нея всѣ принадлежности двѣичьяго туалета и надѣваютъ на нее сурбанъ и хушпу вмѣсто тухи. Съ этого времени она уже становится женой, бабой, а до этого времени она считалась еще дѣвушкой, хотя-бы даже христіанское бракосочетаніе было совершенно надъ ней съ недѣлю тому назадъ или совершится много времени спустя послѣ свадьбы, какъ это бываетъ при „браденыхъ срадьбахъ“. Тогда везутъ *молодую* въ *кибиткѣ* въ домъ отца. По *пріѣздѣ* туда *кибитка* останавливается у крыльца. Молодой (уже не женихъ) съ своей свитой выходитъ встрѣчать свою жену. Дружки молодой, стоя въ *кибиткѣ*, поютъ пѣсни и требуютъ себѣ отъ молодого денегъ, „выкупа“ за невѣсту, приговаривая, что менѣе сорока копѣекъ онѣ не примутъ, такъ какъ „хѣр сумѣ укѣси хѣрѣх пус“ = плата дружкамъ—сорокъ копѣекъ. Молодой нарочно ломается и предлагаетъ меньше, напр. 5 коп. Тогда дружки, крайне обидѣвшись такою скупостью молодого, моментально поворачиваютъ оглобли назадъ и уѣзжаютъ съ молодой вонъ со двора. Вернувшись черезъ нѣсколько времени, онѣ опять начинаютъ требовать отъ молодого выкупа. Тотъ предлагаетъ уже немного больше, но опять не 40 коп. Опять дружки увозятъ молодую. И такъ—до трехъ разъ. Въ третій разъ, опять немного поломавшись, молодой соглашается и отдаетъ требуемый выкупъ. Тогда дружки допускаютъ его въ *кибиткѣ*. Молодой подходитъ къ своей женѣ и три раза цѣлуется съ ней подъ ея покрываломъ. Подъ покрываломъ же они три раза обмѣниваются кольцами. Потомъ, взявши другъ дружку за руки, они направляются въ избу. При этомъ строго наблюдаютъ, чтобы кто-нибудь въ *сутоловѣ* нечаянно не очутился между ними, что служитъ нехорошимъ предзнаменованіемъ. Въ *сѣняхъ* молодые останавливаются. Здѣсь ждетъ ихъ церемоніймейстеръ съ пивомъ. Молодой беретъ ковшъ пива и пьетъ, поздоровавшись съ женою, но непременно называя ее по имени. То же самое дѣлаетъ потомъ и молодая. Собственно, эта церемонія и дѣлается только для того,

чтобы молодые привыкли звать другъ дружку по имени. Если здѣсь не осмѣлятся они назвать другъ дружку по имени, то, значитъ, всю жизнь не будутъ они называть другъ дружку по имени и жизнь ихъ будетъ нехорошая. Но молодые въ данный моментъ крайне стѣсняются и долго не рѣшаются назвать имя супруга или супруги, особенно это трудно для молодой. Только послѣ долгихъ и усиленныхъ настаиваній она рѣшается назвать имя супруга. Встарину, говорятъ, дѣлалось даже такъ, что въ случаѣ, если молодая не будетъ называть по имени, мужъ уводилъ ее въ лѣсъ, заводилъ въ чащу и самъ быстро и незамѣтно убѣгалъ въ сторону и скрывался. Жена, натерпѣвшись страху, начинала умолять мужа откликнуться, но тотъ откликался только тогда, когда она назоветъ его по имени. Теперь дѣло до этого уже не доходитъ. Продѣлавъ ету церемонію, молодые входятъ въ избу, къ столу, гдѣ родители того и другой сидятъ съ пивомъ въ рукахъ, и становятся предъ ними на колѣни. Родители даютъ имъ благословеніе и наставленіе. Послѣ этого молодой садится за столъ въ передній уголъ, а молодая тоже за столъ, но предъ печкой, съ женщинами. Начинается шумное веселье. Дружки молодой пляшутъ и дразнятъ гостей жениха, приговаривая, что онѣ не отдадутъ и не уступятъ имъ своей подруги, а эти говорятъ, что „сколько-де вы не пѣтушитесь, а всетаки мы увеземъ вашу подругу“. Свита молодой и молодого стараются перещеголять и превзойти другъ дружку въ удалствѣ, въ пѣсняхъ и пляскахъ. Скрипачи съ той и другой стороны также вступаютъ въ споръ. Сидя рядомъ, они изо всей мочи пилятъ каждый на своей скрипкѣ, стараясь перещеголять другъ предъ другомъ. Часто пускаются даже на хитрости и на нечестныя средства. Лицо, нарочно подговоренное которымъ нибудь изъ скрипачей, беретъ у другого скрипача скрипку, яво-бы посмотрѣть, поворачиваетъ ее на рукахъ и нахваливаетъ, а самъ въ это время незамѣтно смажетъ скрипку саломъ. Послѣ того она начинаетъ уже издавать глухіе звуки. Иногда прибѣгаютъ даже для порчи скрипки къ помощи осо-

быхъ колдуновъ (асамсѣсем, ѳрѣмсѣсем). Къ утру выводятъ молодого въ амбаръ, гдѣ молодая собственноручно надѣваетъ на него рубаху своей работы, въ присутствіи зрителей. Когда молодые входятъ въ избу, всѣмъ гостямъ подается горячее бушанье (ѳашка). Послѣ этого бушанья родители молодого отправляются домой, чтобы приготовиться тамъ ко встрѣчѣ новобрачныхъ. Остальная свита молодого тоже начинаетъ готовиться къ отъѣзду. Начальникъ поѣзда нагружаетъ на телегу приданое, при чемъ даетъ за него друзьямъ выкупъ. Затѣмъ молодой со всей своей свитой выжидаетъ и останавливается въ ожиданіи жены за околицей деревни, а если невѣста одной съ нимъ деревни, то—на улицѣ у двора невѣсты. Молодая между тѣмъ прощается дома съ своими подругами и родными и потомъ, въ сопровожденіи всей своей свиты, тоже выѣзжаетъ туда же въ кибиткѣ подъ покрываломъ. Прибывши туда, она въ кибиткѣ три раза объѣзжаетъ поѣздъ мужа. Затѣмъ мужъ со своимъ поѣздомъ три раза объѣзжаетъ кибитку жены и въ послѣдній разъ, остановившись около нея и распахнувъ ея покрывало, зорко смотритъ ей въ лицо, а потомъ трижды довольно плотно ударяетъ ее нагайкою. Это есть символическое дѣйствіе, выражающее ту мысль, что мужъ будетъ глядѣть въ глаза своей жены, т. е. любить ее, но за непослушаніе будетъ взыскивать съ нея строго, какъ ея господинъ и повелитель; кромѣ того, чтобы она забыла свою родину и привыкла къ его. Послѣ этой церемоніи нареченный отецъ молодыхъ (хѣйматлѣх) беретъ молодую и сажаетъ въ свою кибитку, и свита молодого ѣдетъ въ его деревню, а невѣстина свита возвращается домой.

Въ Казанской губ. передача или выводъ молодой дѣлается въ ея же домѣ: невѣста стоитъ за занавѣсью, начальникъ женихова поѣзда начинаетъ пробираться за занавѣсь къ невѣстѣ, окруженной подругами, но послѣднія пытаются не выдавать ея. Начальникъ, схвативъ которую-либо изъ нихъ, выводитъ на середину избы и начинаетъ съ ней плясать; во вре-

мя паюса бѣдается снова къ невѣстѣ и, выхвативъ ее, передаетъ въ руки „хыйматлыха“. Послѣдній беретъ невѣсту въ охапку, скорѣе сажаетъ ее въ сѣдло на лошадь и поѣздъ жениха тотчасъ же трогается въ путь. За околицей тоже проводится церемонія „проучиванія“ молодой нагайкой ¹⁾.

Приѣхавъ въ домъ молодого, кибитка „хыйматлыха“ съ молодой останавливается у крыльца. Молодой подводитъ къ кибиткѣ обротанную лошадь. Онъ беретъ полой кафтана поводъ лошади и передаетъ молодой, эта принимаетъ его черезъ полу покрывала, стоя въ кибиткѣ. Такимъ образомъ они до трехъ разъ передаютъ другъ другу поводъ лошади. Потомъ молодой поворачиваетъ лошадь по солнцу, бросаетъ поводъ ей на спину и съ кѣмъ нибудь отсылаетъ ее въ конюшню. Обрядъ этотъ называется „тайанѣак тыттарни“ и служитъ символическимъ указаніемъ на то, что съ этого времени имущество новобрачныхъ становится ихъ общей собственностью ²⁾. Затѣмъ одна дѣвушка, сестра или родственница новобрачнаго, вскакиваетъ въ кибитку и три раза чуть-чуть приподнимаетъ правую ногу молодой. Это дѣлается, по словамъ Доброхотова, для того, чтобы хорошо родились у новобрачной лень и конопель ³⁾. Обрядъ этотъ носитъ названіе „йѣран тѣпѣлтарни“. Послѣ этого молодую вносятъ въ избу и сажаютъ на нары передъ печкой (тѣпеле). Сидитъ она здѣсь молча, безъ причитаній. Дѣвушки начинаютъ варить салму ⁴⁾. Когда салма сварится, ее ставятъ въ блюдѣ на столъ. Между тѣмъ ново-

¹⁾ См. у Магнитскаго, Каз. Губ. Вѣд. 1868, № 88.

²⁾ Въ Ядрин. у. до совершенія этого обряда, какъ только кибитка подъѣдетъ къ крыльцу, молодой, какъ рассказывали мнѣ чувашь, дѣлаетъ *выстрѣлъ* изъ ружья надъ головой своей жены.

³⁾ Магнитскій, Матеріалы къ объясн. стар. чув. вѣры, стр. 212.

⁴⁾ Салма—національное кушанье чувашъ и татаръ. Это—галушки изъ муки, варятся въ водѣ съ приправами.

брачные становятся предъ печкой. Молодая, все еще находящаяся подъ покрываломъ, дѣлаетъ печкѣ низкій поклонъ, привѣтствуя въ ней будущее поприще главнѣйшихъ своихъ занятій. Затѣмъ начинается церемоніаль снятія съ молодой покрывала. Одинъ мальчикъ, братъ или родственникъ новобрачнаго ¹⁾, беретъ въ руки яблонувую трехъ—зубчатую палочку ²⁾ съ салминкой (галушкой) на каждомъ сучекѣ, и съ нею при музыкѣ, при единоголасномъ всѣхъ гостей гайканьѣ и хлопаньѣ въ ладоши, подходитъ къ молодой и дотрогивается этой палочкой до ея покрывала, приговаривая: „невѣстка! хочешь-ли салмы? ты поѣла-бы, да я не дамъ!“ ³⁾ Повторяется эта церемонія въ другой разъ; наконецъ, въ третій разъ, зацѣпивъ покрывало палочкой, стаскиваетъ его съ молодой и уходитъ съ нимъ въ амбаръ. Оттуда приносить онъ горсть муки и посыпаетъ ею новобрачныхъ, говоря: „живите до тѣхъ поръ, пока не будете бѣлы (сѣдые), какъ эта мука“ ⁴⁾. Тогда новобрачныхъ сажаютъ за столъ и покрываютъ ихъ головы войлокомъ; каждый изъ гостей подходитъ къ столу, на которомъ стоитъ блюдо съ салмой, и, почерпнувъ полную ложку салмы, да чуть прихлебнувъ, бросаетъ остальное на головы новобрачныхъ ⁵⁾. Этотъ довольно странный обычай существуетъ, вѣроятно, только въ Казан. губ. Въ Симбир. губ. намъ не приходилось слышать про этотъ обычай. Здѣсь молодые, стоя около печки,

¹⁾ „А не дружка, какъ говоритъ А. А. Фуксъ“, замѣчаетъ г. Сбоевъ (Исслѣд., стр. 36). Но дружкой жениха бывають у чувашъ и родственники, даже преимущественно, т. ч. это замѣчаніе г. Сбоева противъ г-жи Фуксъ—напрасное.

²⁾ У А. А. Фуксъ эта вѣтка превратилась въ *палку саженной* величины (Зап. о чуваш., стр. 66).—Да такой палкой, какъ справедливо замѣчаетъ г. Сбоевъ, пляшущій и бѣснующійся родственникъ новобрачнаго могъ и молодой, и многимъ изъ гостей выколотъ глаза. Исслѣдованія..., стр. 36.

³⁾ „Инке! салма сийетне? есе сийен те, ене памӓп“.

⁴⁾ „Сак сӓвӓх пек шурализьвен пурӓвӓр“.

⁵⁾ Сбоевъ. Исслѣдованія..., стр. 37.

покрываются войлокомъ, когда ихъ посыпаютъ мукой.—Затѣмъ слѣдуетъ новая церемонія. На молодую надѣваютъ мужнину шапку и ведутъ ее за водой. Подошедъ къ рѣчкѣ или влючу, она кланяется (рѣчкѣ или влючу). Золовка ея (а если ея нѣтъ, то ближайшая родственница мужа), почерпнувши воды, ставитъ ведро на землю, а молодая, толкнувъ его ногою, проливаетъ воду. Въ другой и третій разъ—также. Наконецъ, въ четвертый разъ она уже не проливаетъ, а беретъ ведро и несетъ его въ домъ мужа¹⁾. Это—первая работа ея въ домѣ мужа. Часть принесенной воды идетъ на варку „йашки“, а часть—на угощеніе гостей. Пока варится йашка и пока другую часть воды подносятъ гостямъ, молодая стоитъ около печки, присѣдая на одномъ колѣнѣ и приставивъ ладонь къ рукѣ. Въ это время свекоръ и свекровь ея сидятъ за столомъ съ ковшомъ пива и, благословляя сноху, говорятъ: „невѣстуха наша! пусть будетъ на тебѣ благословеніе наше! будьте, дѣти наши, хозяевами этого дома!“²⁾ Всѣ присутствующіе тоже спѣшаютъ высказать ей свои благожеланія, чтобы Господь благословилъ ихъ (молодыхъ) лошадьми, коровами, овцами, курами, гусями и т. д. Послѣ этого молодыхъ отводятъ въ амбаръ на брачное ложе (хѣве хупащѣ) и, продѣлавъ тамъ еще кое-какія церемоніи, оставляютъ ихъ однихъ. Пробывъ тамъ нѣсколько часовъ (а если ихъ отвели къ брачному ложу

¹⁾ Эта церемонія въ различныхъ мѣстахъ дѣлается различно. Мѣстами молодая проливаетъ воду *три* раза, а мѣстами—только *два* раза. Кромѣ того, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ *золовка черпаетъ* воду, а молодая проливаетъ, а въ другихъ мѣстахъ—наоборотъ: *молодая черпаетъ*, а золовка проливаетъ. Не зная объ этой разницѣ, г. Сбоевъ (Ислѣд., стр. 37) дѣлаетъ слѣдующее, въ данномъ случаѣ несправедливое замѣчаніе: „У А. А. Фуксъ все это рассказано превратно. Гдѣ у нея стоитъ: *молодая*, тамъ читай *золовка*, а гдѣ—*золовка*, тамъ читай *молодая*“.

²⁾ „Ей винѣмѣр! пехил сана: саявил хуѣи пудър, аѣамърсем“!

вечеромъ, то до утра), молодые выходятъ изъ амбара и идутъ къ гостямъ. „Ежели невѣста сохранна, то пьютъ и веселятся весьма много; буде же не сохранна, то дружка, взявши чарку, проверчиваетъ на оной диру, и зажавши оную пальцомъ изъ оной гостямъ подносить: тогда питье, кто оное изъ гостей приметъ, изъ той чарки потечетъ на полъ, и тѣмъ приключившееся нещастіе каждому явно бываетъ. Невѣстѣ при томъ такъ стыдно бываетъ, что она потомъ гостямъ и глазъ своихъ не ваетъ; однакожь мужъ за то ей ни чего не дѣлаетъ, но сноситъ равнодушно“ ¹⁾. Обычай этотъ мѣстами сохранился у чувашъ, вается, и до настоящаго времени, по крайней мѣрѣ на существованіе его среди чувашъ Казан. губ. указываетъ г. Магнитскій. Молодая несетъ съ собой подарки и одѣляетъ ими родителей своего мужа и его родственниковъ. Этимъ мы ованчиваемъ описаніе свадебнаго ритуала чувашъ. Пирушки продолжаются еще нѣсколько дней. Молодые дѣлаютъ визиты родственникамъ, а равно и сватья мѣняются взаимно визитами.

„*Краденныя свадьбы*“. Скажемъ нѣсколько словъ о таеъ называемыхъ „краденыхъ свадьбахъ“ или о бракахъ, устроаемыхъ черезъ похищеніе невѣстъ. Обычай устраивать браки черезъ насильственное умываніе невѣстъ не есть исключительно чувашскій обычай, но присущъ многимъ и другимъ народамъ, находящимся на болѣе или менѣе низкомъ уровнѣ культуры. Сохранились историческія свидѣтельства о существованіи этого обычая у грековъ, римлянъ, германцевъ, кельтовъ, славянъ ²⁾. Обычай этотъ существуетъ у нѣкоторыхъ славянскихъ племенъ и до настоящаго времени, напр.

¹⁾ Миллеръ. Описан. живущ. въ Каз. губ. язык. нар., стр. 77. На существованіе у чувашъ этого обычая указываетъ и Георги. См. его кн. „Описаніе всѣхъ обитающихъ въ Россійскомъ государствѣ народовъ“. Спб. 1799 г., ч. I, стр. 37—38.

²⁾ И. Ст. Бердниковъ. Форма заклоч. брака у европ. нар. Казань, 1887, стр. 6.

у черногорцевъ и болгарь ¹⁾. Съ развитіемъ у извѣстнаго народа и племени соціальныхъ формъ жизни и умыканіе невѣсть получаетъ болѣе мирную форму, производится съ косвеннаго или прямого согласія невѣсть и родственниковъ и представляетъ собою скорѣе обрядъ, чѣмъ дѣйствительное похищеніе. Съ характеромъ обряда умычка невѣсть существуетъ и доселѣ въ Босніи, Герцоговинѣ, Болгаріи и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россіи, напр. въ Тверской, Пермской, Архангельской, Енисейской губерніяхъ и у Селенгинскихъ бурятъ въ Забайкальской области ²⁾. Съ такимъ же характеромъ *обряда* практикуется умыканіе невѣсть при „краденыхъ свадьбахъ“ у чувашъ. Выше мы видѣли, что женитьба „сурса“, т. е. по предварительному стовору сторонъ и съ соблюденіемъ полного брачнаго ритуала, стоитъ и жениховой, и невѣстиной сторонѣ громаднхъ расходовъ и хлопотъ, поэтому эта форма заключенія брака доступна только для зажиточныхъ чувашъ. А, между тѣмъ, каждому нужна въ домашнемъ быту помощница и подруга жизни. Что тутъ дѣлать? какъ пособить горю? Отвѣтъ простъ: *украсть невѣсту*, устроить бракъ черезъ похищеніе невѣсты. Такіе браки практикуются чувашами съ незапамятныхъ временъ. Къ нимъ прибѣгаютъ чувашаи не только по экономическимъ расчетамъ, но и по другимъ мотивамъ, и потому самая форма устройства „краденыхъ свадебъ“ неодинакова.

Въ большинствѣ случаевъ такіе браки совершаются у чувашъ черезъ *кражу невѣсты по ея согласію*. Женихъ, любовавъ дѣвушку, упрасиваетъ ее выйти за него замужъ и, въ видахъ уменьшенія калыма и избѣжанія большихъ свадебныхъ расходовъ, уговариваетъ ее позволить ему украсть ее. Получивши ея согласіе, онъ условливается съ ней, когда и гдѣ схватить и увести ее. При этомъ невѣста вручаетъ ему, въ знакъ прочности даннаго ею слова, сурбанъ. Въ условлен-

¹⁾ Ibid.

²⁾ Ibid, стр. 8 и 9; см. Кроль, Брачное право инор. селен. окр., стр. 3—4.

ное время женихъ въпрягаетъ пару хорошихъ лошадей, беретъ двоихъ—троихъ молодцовъ и поджидаетъ невѣсту въ указанномъ мѣстѣ. Какъ только она явится, ее схватываютъ, кладутъ въ телѣгу, при чемъ невѣста нарочно, для виду, кричитъ благимъ матомъ и барахтается. Везутъ ее куда-нибудь непремѣнно въ другую деревню къ родственникамъ или знакомымъ. Здѣсь въ амбарѣ наскоро совершается обрядъ одѣванія невѣсты и прирученія ея причитаніямъ ¹⁾, потомъ вносятъ ее въ избу и начинается пиршество, само собой разумѣется—далеко не такое шумное, какъ бываетъ при полной свадьбѣ. Невѣста дѣлаетъ причитанія. Женихъ и самъ присутствуетъ здѣсь. Побывъ здѣсь три—четыре часа, поѣздъ прямо отправляется въ домъ жениха и въ тотъ же день заканчивается свадьбу. Ни друзей и другихъ должностныхъ лицъ, кромѣ хайматлыха (нареченнаго отца), ни торжественныхъ рѣчей здѣсь не бываетъ. Обряды: передачи повода ло-

¹⁾ Это дадо поводъ о. Львову сдѣлать слѣдующее, по нашему убѣжденію, несправедливое замѣчаніе: „Изъ амбара выходятъ они (женихъ и невѣста) уже мужемъ и женою. Нѣтъ никакого обряда, нѣтъ ничего такого, что могло-бы служить знакомъ брачнаго соединенія мужа съ женой, кромѣ соитія. Самый процессъ кражи невѣсты есть нѣчто священное для чувашъ, замѣняющее всю обрядовую сторону брака. Жена безъ стыда, съ спокойной совѣстію, возвращается домой и входитъ въ домъ родителей мужа на правахъ законной жены, а родители мужа такъ же спокойно принимаютъ ее въ домъ, представляя ей всѣ права молодой хозяйки» (Извѣст. по Каз. еп. 1898 г., № 10, стр. 407). Смѣемъ увѣрить о. Львова, что въ случаяхъ устройства брака черезъ умываніе невѣсты по ея согласію женихъ и невѣста никогда не позволяютъ себѣ вступить въ супружескія связи въ амбарѣ до совершенія свадебнаго ритуала, ни общественное мнѣніе чувашъ не одобритъ и не позволитъ имъ этого. Насильственное нарушеніе дѣвства невѣсты въ амбарѣ до свадьбы бываетъ, но только не въ этомъ случаѣ, а только тогда, когда устраивается вкраденая свадьба насильственной умычкой невѣсты, помимо ея согласія. Объ этомъ будетъ рѣчь ниже.

шади съ рукъ на руки, подниманія ноги молодой, благословенія молодыхъ, снятія покрывала съ молодой, посыпанія мукой и хожденія на воду,—соблюдаются, хотя совершаются насоро. По окончаніи свадьбы торжественно провожаютъ молодыхъ въ амбаръ на брачное ложе. На другой или на третій день заявляется отецъ невѣсты и начинаетъ „журить“ дочь, иногда даже съ потасовкой, за то, что она осмѣлилась уйти безъ воли родителей. Дочь поплачетъ немного и говоритъ въ свое оправданіе, что ее увезли насильно, что-де она кричала и отбивалась, но никто не явился на помощь; въ концѣ прибавляетъ, что дѣло-де уже сдѣлано и назадъ къ отцу она уже не пойдетъ. Отецъ начинаетъ ломаться, что-де онъ не отдастъ ея вещей и что-де они все-таки не обойдутся безъ его воли, такъ какъ онъ не выдастъ имъ обыска, т. е. предбрачныхъ свѣдѣній. Но дѣло кончается тѣмъ, что онъ тутъ же или спустя нѣсколько дней или недѣль сдается на извѣстныя условія, при чемъ количество калыма сильно понижается. Но часто случается такъ, что отецъ невѣсты напуститъ на себя амбицію и не ѣдетъ вслѣдъ за дочерью, все равно-де не обойдутся безъ него, сами-же пріѣдутъ и поклонятся. Въ такомъ случаѣ женихъ или отецъ его самъ ѣдетъ къ отцу невѣсты и вступаетъ въ переговоры относительно калыма. Пока идутъ эти переговоры, молодые продолжаютъ жить на полныхъ правахъ мужа и жены безъ церковнаго благословенія. Священникъ вызываетъ жениха или отца его на „проборку“, но получается одинъ отвѣтъ: рады-бы, батюшка, вѣнчаться, да отецъ (невѣсты) не даетъ обыска; вѣнчай безъ обыска, тогда и денегъ тебѣ дамъ больше положеннаго“. Но, конечно, едва-ли кто изъ священниковъ согласится на такое предложеніе, хотя въ недалекомъ прошломъ, когда чужаки боялись какъ огня вляузь и сутяжничества, нерѣдко бывали случаи, когда священники за приличный гонораръ (отъ 15 до 40 руб.) вѣнчали „краденныя свадьбы“ и безъ согласія родителей невѣсты. Эти времена, кажется, уже миновали. Теперь священникъ волей—неволей вынужденъ бываетъ

отложить вѣнчаніе до тѣхъ поръ, пока сватья не придутъ къ согласію. Вслѣдствіе этого сплошь и рядомъ молодые живутъ безъ вѣнчанія по нѣскольку мѣсяцевъ, даже по нѣскольку лѣтъ. Когда я поступилъ въ приходъ, въ моемъ приходѣ было 21 пара невѣнчанныхъ, изъ нихъ 6—7 паръ прожившихъ болѣе года безъ вѣнчанія; у трюихъ были даже дѣти. Духовенство по мѣрѣ силъ своихъ и умѣнья борется съ этимъ непригляднымъ явленіемъ въ жизни чувашъ; но сила вѣховаго языческаго обычая такъ велика, что чуваша никакъ не могутъ отвыкнуть отъ него. Тѣмъ болѣе, этотъ обычай имѣетъ тѣсную связь съ бытовыми обычаями чувашъ, основанными главнымъ образомъ на матеріальныхъ интересахъ.

Краденныя свадьбы устраиваются иногда не только съ согласія невѣсты, но и съ вѣдома ея родителей. Женихъ, облюбовавъ извѣстную дѣвушку, черезъ кого-нибудь наводитъ справку, согласны ея родители выдать за него дочь или нѣтъ. Если получится утвердительный отвѣтъ и если будущіе сватья не желаютъ входить въ излишніе расходы по свадьбѣ, то отцы жениха и невѣсты гдѣ-нибудь наединѣ условливаются о „кражѣ“ невѣсты. Конечно, это дѣлается безъ вѣдома родственникововъ, иначе пришлось-бы устроить бракъ съ полной свадьбой. Затѣмъ, въ условленный день происходитъ фиктивное похищеніе невѣсты и свадьба вышеуказаннымъ порядкомъ. При чемъ, во время поимки невѣста тоже дается не безъ того, чтобы не покричать и не побарахтаться. На другой или на третій день отецъ ея заявляется яко бы съ претензіей, но тутъ же дѣло улаживается и завершается попойкой „до безсмертія“. Въ такихъ случаяхъ браковѣнчаніе не откладывается надолго. Только въ нѣкоторыхъ приходяхъ сами священники задерживаютъ вѣнчаніе, требуя съ отца жениха недоданную ругу и другія недоимки, или требуя за самую свадьбу гонорара больше положеннаго, въ наказаніе-де за то, что молодые позволили себѣ вступить въ супружескія связи до вѣнчанія, что закономъ возбраняется.

Устраиваются у чувашъ иногда, хотя и рѣдко, браки черезъ дѣйствительное и насильственное похищеніе невѣсты.

Употребивъ всё усилія уговорить облюбованную дѣвушку и безуспѣшно, женихъ рѣшается украсть ее насильно. Составляется планъ кражи. Узнавши чрезъ какуюнибудь пособницу—дѣвушку или женщину—о мѣстѣ и времени, гдѣ удобнѣе схватить невѣсту, женихъ въ указанномъ мѣстѣ подкарауливаетъ ее съ двумя—тремя молодцами. Какъ только она покажется, схватываютъ и тащатъ къ телѣгѣ. Какъ бы несчастная дѣвушка (наильно похищаютъ въ большинствѣ случаевъ дѣвушку сироту или дочь бѣдныхъ, смирныхъ и робкихъ родителей) ни кричала и ни билась, все равно помощи ей ждать не откуда, потому что всякая украденная невѣста, по обычаю чувашъ, должна кричать и биться. Поэтому всякій, встрѣчающійся съ похитителями, не обращаетъ особеннаго вниманія на крикъ дѣвушки. Иногда, впрочемъ, въ видахъ предосторожности похитители накрываютъ ротъ дѣвушки подушкой до выѣзда изъ деревни, чтобы не слышать было ея крика. Когда привезутъ дѣвушку въ какую-нибудь деревню въ родственнику или знакомому жениха, то запираютъ ее съ женихомъ въ амбаръ, и здѣсь уже совершается полнѣйшее насиліе надъ беззащитной дѣвушкой, чтобы вынудить у нея согласіе на бракъ. Бываютъ при этомъ и такіе случаи, что если самъ женихъ не изъ удалыхъ и если ему не удалось побороть дѣвушку въ амбарѣ, то онъ впускаетъ вмѣсто себя одного болѣе удалаго изъ сопровождающихъ его молодцовъ. Такимъ-то образомъ вынуждаютъ у невѣсты согласіе на бракъ. Потомъ обычно совершается свадьба и, чрезъ извѣстный промежутокъ времени, христіанское бракосочетаніе. Но бываетъ и такъ, что не могутъ вынудить у невѣсты согласія на бракъ. Въ то время, когда въ амбарѣ женихъ или подставленное имъ лицо старается совершить надъ ней насиліе, она такъ ущипнетъ его за ова, что тотъ съ визгомъ отскакиваетъ отъ нея. Въ такомъ случаѣ везутъ ее въ какую-нибудь другую деревню и бросаютъ ее, измученную и обезсиленную, на улицѣ. Жаловаться въ такихъ случаяхъ судебной власти не принято у чувашъ.

Теперь коснемся вопросовъ, имѣющихъ юридическій характеръ.

Возрастъ. Опреѣленнаго возраста для вступленія въ бракъ у чувашъ не существуетъ. Чуваша (парни) вообще женятся въ самой ранней юности, тотчасъ какъ выйдутъ имъ положенныя для того закономъ лѣта. Чувашскія красотки, напротивъ, засиживаются въ дѣвкахъ очень долго, до 28 и 30 лѣтъ. Вотъ причина: каждая изъ нихъ съ 12-ти или 13-ти лѣтъ уже болѣе или менѣе порядочная помощница и работница въ домашнемъ хозяйствѣ и полевыхъ работахъ. Отецъ и не торопится выдавать дочь замужъ. По этой же причинѣ, кому нужно женить сына, старается найти для него невѣсту не молодую, а вполне зрѣлую и способную къ работѣ. „До обнародованія нынѣ дѣйствующаго узаконенія о лѣтахъ, какія должны имѣть женихъ и невѣста, пятнадцатилѣтніе мальчишки сплошь-да-рядомъ женились на тридцатилѣтнихъ дульдиняхъ ¹⁾... Богатые чуваша женили своихъ сыновей пяти или шести лѣтъ“ ²⁾. По словамъ Лепехина, чуваша въ такихъ раннихъ лѣтахъ собственно *не женили* своихъ сыновей, а только совершали *помолвку*. „Случается у нихъ,—пишетъ онъ,—что обрученіе или помолвка бываетъ еще во время малолѣтства дѣтей. Когда отцы знаютъ, что ихъ малолѣтныя дѣти и лѣтами и имуществомъ между собою равны, то во время народнаго сонмища мѣняются другъ съ другомъ рогами съ табакомъ, говоря: смотрите добрые люди, что мы между собою сватовья; а какъ сіе засвидѣтельствуютъ, тогда они уже и называются сватовьями до взросту своихъ дѣтей. Естьли же по возрастѣ которому нибудь изъ отцовъ бывшій договоръ не понравится, напр.: естьли женихову отцу не понравится невѣста и откажется, тогда невѣстинъ отецъ отдаетъ свою дочь за другого: напротивъ того, есть ли невѣстину отцу не

¹⁾ Сбоевъ. Изслѣдованія..., стр. 27.

²⁾ Тамъ же, стр. 75. У Миллера стр. 67.

понравится женихъ, тогда онъ иначе отказаться не можетъ, какъ заплативъ отъ 6 до 12 рублей“¹⁾). Вѣроятно, существовалъ у чувашъ и тотъ и другой обычай, т. е. какъ женить, такъ и совершать помолвку во время малолѣтства дѣтей. „Едва-ли не это обстоятельство, замѣчаетъ г. Магнитскій по поводу женитьбы у чувашъ малолѣтнихъ сыновей, порождаетъ и нынѣ просьбы обвинчать въполовину, что значитъ: обрядъ бракосочетанія совершить въ желаемое просителемъ время, а въ метрикахъ записать его по наступленіи брачному брачному совершеннолѣтію. Такія просьбы, какъ намъ извѣстно, нерѣдко за приличный гонораріумъ и исполняются“²⁾). Чувашь—язычники и отступники—и теперь женятъ сыновей въ возрастѣ 12—18 лѣтъ. Такъ, въ дер. Среднихъ-Алгашахъ, Симбирскаго уѣзда, въ 1900 г. язычникъ Исливанъ женилъ 14 лѣтнаго сына; Ишметъ женилъ сына 15 лѣтъ. Черезъ годъ у обоихъ родились дѣти. Въ дер. Три-Избы-Шемуршѣ лѣтъ шесть тому назадъ чувашинъ-отступникъ Матвѣй Васильевъ женилъ сына Хамита 14 лѣтъ, съ 16-лѣтнаго возраста у послѣдняго стали рождаться дѣти. Дѣдушка этого самаго Хамита женился будто 12 лѣтъ. Даже православные иногда женятся 14—15 лѣтъ. У меня въ приходѣ было два такихъ случая. Это бываетъ тогда, когда въ семьѣ не бываетъ хозяйки-работницы.

Конечно, до достиженія мужемъ 18-ти лѣтнаго возраста такія пары живутъ безъ вѣнчанія (Когда я этихъ молодцовъ, пятнадцатилѣтнихъ „мужей“, вызвалъ къ себѣ на увѣщаніе, то одинъ изъ нихъ заявилъ мнѣ: „ты, батюшка, не думай, что я живу съ ней, какъ съ женой; она живетъ у меня стряпвой“). Дѣти язычниковъ, родившіяся до достиженія отцомъ 18-ти лѣтнаго возраста, признаются законными, на основаніи обычнаго народнаго права. Причину происхожденія обычая

¹⁾ Лепехинъ. Дневныя записки путешествія. СПБ. 1795 г., ч. I, стр. 172.

²⁾ Каз. Губ. Вѣд. 1868 г., № 87.

чуваши женихъ малолѣтнихъ сыновей на взрослыхъ дѣвицахъ нѣкоторые видятъ въ снохачествѣ. Но, намъ кажется, это мнѣніе невѣрно. Во первыхъ, снохачество сильно осуждается общественнымъ мнѣніемъ чувашъ, а потому встрѣчается у нихъ, какъ явленіе весьма рѣдкое; во вторыхъ, когда чуваша женили очень малолѣтнихъ сыновей своихъ (8 и 10 лѣтъ) на взрослыхъ дѣвушкахъ, почти никогда не наблюдалось, чтобы у такой брачной пары начинали рождаться дѣти до достиженія мужемъ 15-ти, 16-ти или 17-ти лѣтъ; не можетъ быть, чтобы не рождались дѣти отъ такихъ браговъ до достиженія мужемъ половой зрѣлости, если чуваша дѣйствительно устраивали такіе браки въ видахъ снохачества. Гораздо вѣроятнѣе мнѣніе другихъ, объясняющихъ обычай женихъ малолѣтнихъ сыновей на взрослыхъ дѣвицахъ экономическими соображеніями: съ женитьбой сына въ домѣ прибавляется молодая, полная силъ, работница. Справедливость послѣдняго мнѣнія подтверждается и тѣмъ фактомъ, что чуваша даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда женятъ вполне зрѣлыхъ сыновей, не берутъ за нихъ молоденькихъ невѣстъ 14—17 лѣтъ, а берутъ непремѣнно вполне зрѣлыхъ невѣстъ, лѣтъ 22-хъ и болѣе.

Родство. Браки по прямой восходящей и нисходящей линіи кровнаго родства запрещаются у чувашъ (язычниковъ) безусловно. По боковымъ линіямъ кровнаго родства бракъ запрещается до 6-й степени, даже въ нѣкоторыхъ мѣстахъ до 7-й степени. Такъ, не позволяется жениться: 1) на родной сестрѣ, 2) на двоюродной и троюродной сестрѣ по отцу (но на двоюродной и троюродной сестрѣ по матери можно жениться), на племянницѣ до троюродной включительно. Въ другихъ видахъ родства (двухъкровнаго и трехъкровнаго) браки допускаются въ близкихъ степеняхъ. Такъ, позволяется жениться на женѣ своего умершаго брата ¹⁾, на свояченицѣ

¹⁾ Въ дер. Три-Избы-Шемуршѣ, Буинскаго уѣзда, чувашина-отступника Исая Егорова сынъ Авсянъ женатъ на женѣ своего умершаго роднаго брата, также: язычникъ Узбекъ въ

послѣ смерти первой жены ²⁾, но жениться на свояченицѣ при жизни жены не дозволяется, а равно не дозволяется жениться двумъ братьямъ на двухъ родныхъ сестрахъ. Позволяется жениться на племянницахъ своей умершей жены ³⁾. При указанныхъ бракахъ дѣти отъ первой жены зовутъ мамичу, по сообщенію свящ. с. Новыхъ Алгашей, Симбир. у. о. Дмитриева, не мамой (анне), а сестрой или теткой (акка, аппа). Браки въ такихъ близкихъ степеняхъ родства допускаются у чувашъ по слѣдующимъ мотивамъ: во первыхъ—потому, что родственница-де лучше будетъ относиться къ сиротамъ, остающимся послѣ смерти первой жены; во-вторыхъ, потому, что пусть-де приданое первой жены достанется не чужому, а своему же человѣку, родственницѣ своей жены. Эти мотивы заставляютъ иногда и православныхъ чувашъ обращаться къ священнику съ просьбой повѣнчать на свояченицѣ, или племянницѣ умершей жены. Такіе факты наблюдались во

дер. Среднихъ Алгашахъ, Симбирск. уѣзда; отступникъ Алексѣй Удянгинъ въ Стюхинскомъ приходѣ, Бугурусл. у.

Г. Миллеръ (см. стр. 68 вышеуказ. соч.) по поводу обычая чувашъ жениться на женѣ своего умершаго брата замѣчаетъ, что у чувашъ только меньшому брату дозволяется жениться на женѣ своего умершаго старшаго брата, а старшему брату не дозволяется жениться на женѣ умершаго меньшаго брата.

²⁾ Примѣры: отпадшій Теодоръ Архиповъ—въ дер. Три-Избы-Шемуршѣ; язычникъ Селендей въ Стюхинскомъ приходѣ, Самар. губ.; язычникъ Пильмурза Пикуловъ въ дер. Уты-Камаево поле Вудалл, Цивильск. у.; въ дер. Среднихъ Алгашахъ, Симбир. у., когда у язычника Хунтѣ померла замужняя дочь, онъ выдалъ за зятя другую дочь.

Миллеръ по поводу обычая чувашъ жениться на свояченицѣ замѣчаетъ, что чуваша „особливо любятъ жениться на двухъ, или на трехъ сестрахъ по одиначкѣ (стр. 68), имѣютъ къ тому особливую склонность“ (стр. 70). Этотъ обычай чувашъ былъ замѣченъ и Лепехинымъ. См. Дневн. Записки, ч. I, стр. 173.

³⁾ Напр., язычникъ Ахматъ въ дер. Среднихъ Алгашахъ женатъ на родной племянницѣ своей умершей жены.

многихъ приходахъ, былъ и у меня въ приходѣ ¹⁾). Но хорошо, если чуваша догадаются въ такихъ случаяхъ обратиться за совѣтомъ предварительно къ священнику. А то бываетъ иногда и такъ: чувашинъ—вдовець женится на свояченицѣ или на племянницѣ умершей жены, а потомъ уже заявляется къ священнику съ просьбой повѣнчать ихъ. Причтъ на оглашеніи спрашиваетъ, не имѣется-ли между женихомъ и невѣстой родства, *возбраняющаго* бракъ. Слушатели молчатъ или же отвѣчаютъ, что родства, *возбраняющаго* бракъ, не имѣется между ними, такъ какъ по понятію ихъ жениться на свояченицѣ не *возбранительно*. Причтъ спокойно вѣнчаетъ ихъ. Послѣ случайно обнаруживается ошибка, но уже поздно. Подобный случай былъ у причта села Шемурши, Буинскаго уѣзда, въ 1894 году. Браки чувашъ-язычниковъ и въ близкихъ степеняхъ родства признаются законными.

Число браковъ. По брачному праву чувашъ можно жениться сколько угодно разъ, лишь-бы въ одно время не имѣть нѣсколько женъ. Многоженство, хотя и не запрещается безусловно, считается грѣховнымъ, неприличнымъ и почти не встрѣчается среди чувашъ. Двоеженство допускается только въ случаѣ бездѣтства первой жены и въ случаѣ отсутствія сыновей отъ первой жены, и то только при томъ условіи, если первая жена изъявитъ на это свое согласіе. У татаръ-магометанъ въ случаяхъ двоеженства и многоженства главную роль въ домѣ присваиваетъ молодая жена, но у чувашъ—наоборотъ: главная роль въ домѣ остается въ такихъ случаяхъ за первой женой. Но, говоря вообще, двоеженство встрѣчается среди чувашъ очень рѣдко. Въ четырехъ языческихъ деревняхъ, о которыхъ доставили намъ свѣдѣнія, оказалось только трое двоеженцевъ. Въ дер. Среднихъ Алгашахъ, Симб. у., одинъ двоеженецъ, Туйметъ. Въ Три-Избы-Шемуршѣ, Буинск. у.,

¹⁾ Съ такой просьбой обращались ко мнѣ крестьяне села Рунги, Буинск. у., Семенъ Петровъ Шемми и Михаилъ Андреевъ Сайкинъ.

тоже одинъ, Денисъ Даниловъ, изъ отпадшихъ. По рассказамъ стариковъ, предокъ Три-Избинскихъ чувашъ Мтрикъ имѣлъ въ одно время 7 женъ, его сыновья Паргунъ и Исливанъ имѣли по двѣ жены, послѣ этого уже прошло около 200 лѣтъ и за все это время не было больше двоеженцевъ въ ихъ деревнѣ. Только теперь вотъ Денисъ Даниловъ женился на второй, и то только потому, что отъ первой жены не было у него дѣтей. Отъ второй жены у него имѣется сынъ, который обѣихъ его женъ зоветъ мамой (анне) и котораго обѣ его жены любятъ совершенно одинаково. Въ деревнѣ Уты-Камаево, Цивильскаго уѣзда, азычникъ Аксянъ Актимировъ по бездѣтности своей первой жены Элемше Шебіевой взялъ другую жену Шернессъ Ахматову, но чрезъ годъ почему-то прогналъ ее и вмѣсто нея взялъ другую, Селюкъ Ильметову. Послѣдняя родила ему сына и дочь. Но послѣ женитьбы его на Ильметовой и первая жена подарила ему сына и дочку.

Такъ какъ крещенные чуваша и до сихъ поръ еще крѣпко держатся прежнихъ азыческихъ обычаевъ, то и въ брачныхъ дѣлахъ они часто руководствуются старыми традиціонными обычаями. Такъ, послѣ смерти трехъ законныхъ женъ они часто женятся на четвертой и пятой, такъ какъ общественное мнѣніе совсѣмъ не осуждаетъ такихъ браковъ. Одинъ изъ моихъ бывшихъ прихожанъ, крестьянинъ села Рунги, Буинск. у., Илья Васильевъ былъ женатъ 6 разъ. Похоронивъ трехъ законныхъ женъ, онъ женился на четвертой, но чрезъ нѣсколько времени одинъ вдовець переманилъ ее отъ него и повѣнчался съ нею. Онъ женился на пятой, но ее у него опять отняли. Также и шестую. Тогда онъ явился ко мнѣ съ претензіей и горько сталъ жаловаться на своихъ обидчиковъ, при этомъ просилъ меня, чтобы я повѣнчалъ его „хоть для формы, хоть не полнымъ или не настоящимъ вѣнчаніемъ“, когда онъ найдеть себѣ седьмую жену. Я, конечно, не только не согласился исполнить его просьбу, но побранилъ его за старые грѣшки и убѣждалъ его впредь не дѣлать такого соблазна. Мужикъ мой ушелъ отъ меня страшно недовольнымъ. Вскорѣ послѣ

этого онъ взялъ да и женилъ 15-ти лѣтняго своего сынишку, оправдываясь тѣмъ, что въ домъ нельзя обойтись безъ женщины, а нанять стряпку онъ не въ состоянїи. Нужно замѣтить, что за 4-й, 5-й и 6-й браки никто изъ моихъ прихожанъ и не думалъ осуждать Илью Васильева, и всѣ относились къ его сожительницѣ не какъ къ сожительницѣ, а какъ къ законной и полноправной женѣ его.

Разводъ. Развода въ собственномъ смыслѣ, какъ формальнаго акта, подчиненнаго извѣстнымъ правиламъ и сопряженнаго съ такой или иной обрядностію, у чувашъ-язычниковъ не существуетъ. Случаи ухода жены по несогласію съ мужемъ бывають, но очень и очень рѣдко. Удивляемся, замѣчаетъ о. Дмитріевъ, какъ не уходить у чувашъ-язычниковъ ничѣмъ не связанныя жены, тогда какъ среди православныхъ жены стали убѣгать отъ мужей довольно частенько! Это объясняется тѣмъ, что разводъ не одобряется брачнымъ правомъ чувашъ и понимается, какъ нѣчто безнравственное. Но, какъ мы выше замѣтили, случаи ухода женъ отъ мужей все-таки бывають, но мужья сами не могутъ прогонять женъ. Жена при уходѣ отъ мужа беретъ свое приданое, дѣтей дѣлятъ по соглашенію. По сообщенію исторіографа Миллера, у чувашъ при разводѣ супруговъ и прежде не существовало никакихъ формальностей. Недовольный своею женою чувашинъ лишалъ ее своего ложа, дѣлалъ ее своею работницей,—и вся недолга. Но по сообщенію писателей Екатерининской эпохи у чувашъ существовала будто нѣкоторая обрядность въ дѣлѣ развода. Такъ, академикъ Палласъ рассказываетъ, что „если мужъ былъ недоволенъ своею женою, то разрывалъ ея сарпанъ (головную повязку изъ длиннаго полотенца) на двѣ части; одну бралъ себѣ, а другую отдавалъ женѣ, которая вслѣдъ затѣмъ должна была оставить домъ своего мужа“ ¹⁾. По сообщенію г. Магнитскаго, этотъ

¹⁾ У г. Сбоева, см. Изслѣд., стр. 81. Этотъ обычай былъ замѣченъ и Георги. См. Описаніе всѣхъ живущ. въ Рос. гос. народовъ, ч. I, стр. 38.

обычай, только съ большими подробностями, соблюдается и въ настоящее время чувашами Белебеевскаго уѣзда, Уфимской губ. Именно, у уфимскихъ чувашъ разводъ дѣлается такъ: „мужъ и жена приглашаютъ, каждый съ своей стороны, въ посредники стариковъ для разбора обстоятельствъ, послужившихъ поводомъ къ разводу, что называется шаригать. Шаригатчики до приступленія къ дѣлу рядятъ себѣ вина съ виновной стороны. Сдѣлавъ подобныя условія, они первоначально раздѣляютъ между недовольными супругами дѣтей, если они есть, и имѣнїе, потомъ выводятъ супруговъ на средину улицы, ставятъ другъ къ другу спинами и связываютъ ихъ кушакомъ. Затѣмъ шаригатчики со стороны мужа становятся въ линію по правую сторону, а со стороны жены—по лѣвую и дѣлается условіе, чтобы не жить вмѣстѣ. Одинъ изъ шаригатчиковъ острымъ ножомъ перерѣзываетъ поясъ, связывавшій мужа съ женою, и недовольные супруги, въ знакъ презрѣнїя, въ то самое время стараются пятами ногъ пнуть другъ друга въ задъ и бѣгутъ на рѣчку умываться, приговаривая: „какъ берега рѣвки никогда не сходятся, такъ-бы и мы не сходились“. Послѣ того шаригатчики принимаются за попойку и тѣмъ разводъ не ужившихся супруговъ оканчивается и всѣ супружескія отношенія ихъ прекращаются“ ¹⁾. Есть данныя предполагать, что подобный обычай существовалъ прежде и у чувашъ Казанской губ. Такъ, одна женщина въ дер. Масловой рассказывала, что развестись съ мужемъ можно, только на судѣ нужно въ одинъ махъ разорвать сорбанъ сперва попережь, а потомъ каждую половину вдоль ²⁾. Можетъ быть, въ прежнее время этотъ обычай былъ общепринятъ у чувашъ, но въ настоящее время, насколько мы можемъ судить по имѣющимся у насъ даннымъ, этотъ обычай неизвѣстенъ чувашамъ, кромѣ чувашъ Белебейскаго уѣзда. Нельзя также ничего положитель-

¹⁾ Магнитскій. Матеріалы, стр. 218. Это описаніе заимствовано г. Магнитскимъ изъ этнограф. очерка Меньшова.

²⁾ Ibid.

наго утверждать относительно того, чисто-ли чувашскій это обычай, или онъ заимствованъ чувашами у другихъ народностей. Можно думать, что онъ заимствованъ у татаръ-мусульманъ, на что указываетъ и самое слово шаригатъ = شریعت (практическая, обрядовая часть вѣроученія мусульманъ). Но есть основаніе предполагать, что онъ заимствованъ чувашами у русскихъ. Въ старину при разводахъ разрывъ холста имѣлъ важную роль и у русскихъ. Рафаилъ Барберини въ XVI вѣкѣ описываетъ древній обрядъ развода въ Россіи, который состоялъ въ томъ, что мужъ съ женою приходили къ проточной водѣ, становились каждый на противоположной сторонѣ и, взявши за концы тонкую холстину, тянули ее до тѣхъ поръ, пока не разрывали, такъ что у каждого изъ нихъ оставалось по половинѣ холстины въ рукахъ. Послѣ того мужъ и жена расходились и дѣлались совершенными свободными ¹⁾. По словамъ о. Смѣловскаго, чуваша въ старину также отправлялись на ключъ, протягивали чрезъ него сурбанъ и, разорвавъ его на части, расходились; нынѣ, по его же словамъ, иногда супруги разрываютъ сурбанъ чрезъ порогъ клятвы ²⁾.

Запись. Для записи браковъ язычниковъ-чувашъ не существуетъ специальныхъ документальныхъ книгъ, вродѣ нашихъ метрическихъ. Прибыль и убыль въ чувашскихъ семьяхъ отмѣчается волостнымъ писаремъ или его помощниками въ „посемейномъ спискѣ“ при его провѣркѣ, которая производится одинъ разъ въ годъ. Самая запись производится просто, безъ свидѣтелей, безъ всякихъ формальностей. Время рожденія, смерти и бракосочетанія показывается приблизительно.

Семейныя отношенія. Нѣкоторыя подробности чувашскаго брачнаго ритуала, какъ то: ѣзда верхомъ, обязательное употребленіе нагайки, стрѣланіе изъ ружья или изъ лука, обрядъ якобы насильственного вывода неvěсты изъ ея дома,—

¹⁾ И. М. Свигиревъ. Русскіе въ своихъ пословицахъ, вн. II, стр. 63.

²⁾ Каз. Губ. Вѣд. 1868 г. № 93.

указываютъ на то, что въ отдаленномъ прошломъ браки чувашъ всегда заключались чрезъ насильственное похищеніе невѣсты. Въ эту эпоху, конечно, не могло быть и рѣчи о какихъ-бы то ни было правахъ женщины въ семьѣ: она была полной и безличной рабыней предъ мужемъ. Съ теченіемъ времени, когда чуваша стали усваивать болѣе или менѣе культурныя понятія и мирный образъ жизни, бракъ чрезъ похищеніе смѣнился у нихъ покупнымъ бракомъ: женщина уже пріобрѣталась не чрезъ похищеніе, а покупалась за извѣстную плату или калымъ. Но и тогда еще женщина, какъ купленная вещь, не могла пользоваться никакими ни личными, ни имущественными правами. Съ теченіемъ времени, когда чуваша стали усваивать взглядъ на женщину, какъ на правоспособную личность, калымъ въ брачномъ дѣлѣ потерялъ у нихъ свой первоначальный смыслъ. Въ настоящее время онъ не опредѣляетъ уже собою стоимости безличной рабы-женщины, а является скорѣе матеріальною помощью, оказываемой родными жениха роднымъ невѣсты для снаряженія ея приданого. Весь калымъ уходитъ на это приданое, часто его даже не хватаетъ. Въ этомъ видѣ калымъ является не оскорбленіемъ личности женщины, а скорѣе—гарантіею ея личныхъ и имущественныхъ правъ. Теперь уже мужъ въ чувашской семьѣ не можетъ деспотически обращаться съ женою, какъ съ вещью или безправной рабыней. Въ такомъ случаѣ жена можетъ уйти отъ него, взявши все свое имущество: свои наряды, стоящіе не дешево, свою скотину—лошадь, корову, овецъ и птицъ, даже можетъ взять и приплодъ отъ нихъ, полученный уже въ домъ мужа. Кромѣ того, она можетъ даже, въ случаѣ развода по винѣ мужа, предъявить искъ и на ту часть имущества, которую она, какъ равноправная рабочая единица, пріобрѣла за время совмѣстной жизни съ мужемъ. Но этими правами женщинамъ-чувашкамъ приходится пользоваться весьма рѣдко. Благодаря кроткому и миролюбивому характеру чувашъ, ихъ семейная жизнь течетъ тихо и мирно, безъ ссоръ и дракъ. Внѣшне-распределительная власть въ семьѣ принадлежитъ отцу-хозяину, а внутренняя,

контрольно-исполнительная—матери-хозяйкѣ. На обязанности отца лежитъ изысканіе средствъ для пропитанія семьи и уплаты податей, централизація и распредѣленіе продуктовъ труда между членами семьи, а на обязанности матери—надзоръ за дѣтьми, приготовленіе для нихъ и мужа пищи, обшиваніе и обмываніе ихъ. Уходъ за скотомъ главнымъ образомъ лежитъ на обязанности отца и мужскихъ членовъ семьи. Исполненіе религіозныхъ обязанностей принадлежитъ ¹⁾ старшему члену семьи—мужчинѣ, но домашнія моленія сплошь и рядомъ совершаются и хозяйками. Въ послѣднемъ случаѣ хозяйка во время моленій надѣваетъ на голову мужнину шапку или держитъ ее подъ мышкой или за пазухой. Этимъ, вѣроятно, выражается идея, что исполненіе религіозныхъ обязанностей въ принципѣ принадлежитъ мужчинѣ-хозяину. Всѣ заработки матери съ дочерьми отъ продажи холста, нитокъ, стараго тряпья, масла, шерсти и яицъ, остающихся въ излишкѣ отъ домашняго употребленія, составляютъ ихъ неотъемлемую собственность и идутъ на удовлетвореніе ихъ женскихъ нуждъ: наряды, приданое и проч. Глава семьи посягаетъ на ихъ собственность только въ крайней необходимости или при недобропорядочности его жизни. Послѣ женитьбы сыновей въ семьѣ образуются новыя ячейки съ имущественными правами: прежняя скотина остается собственностью матери и дочерей ея, а приданная скотина и птица снохъ—ихъ собственностью (собинкой, или сунинке, какъ говорятъ чуваши). Лошади ихъ работаютъ на семью, а равно и продукты отъ коровъ: молоко и масло—идутъ на удовлетвореніе семейныхъ нуждъ. Но приплоды, получаемые отъ приданныхъ сношнихъ лошадей, коровъ, приплоды и шерсть отъ приданныхъ овецъ, пухъ и перья отъ птицъ—считаются неприкосновенной собственностью снохъ. Это обстоятельство обуславливаетъ возникновеніе двухъ неприглядныхъ явленій въ жизни чувашъ: из-

¹⁾ Какъ извѣстно, у чувашъ-язычниковъ вѣтъ особаго жреческаго класса; религіозныя обязанности исполняются въ каждой семьѣ старшимъ членомъ семьи.

мельчанія породы скота и семейныхъ раздоровъ. Каждой снохѣ выгодно имѣть больше скота, поэтому каждая изъ нихъ старается не позволять продавать своихъ жеребятъ, телокъ и ярокъ, а старается оставлять ихъ на-племя. Поэтому въ каждой многочисленной семьѣ накапливается полонъ дворъ скота. А такъ какъ порядочнаго корму для такой аравы не напасешься, то чувашки бормяютъ скотъ кое-какъ. Вслѣдствіе этого скотъ дряхлѣетъ и мельчаетъ. Это весьма невыгодно отражается на экономическомъ положеніи чувашъ: чувашская овца даетъ въ годъ 3—4 фун. шерсти, тогда какъ у русскихъ даетъ 8—10 фунтовъ; чувашская корова даетъ въ сутки 1 или 2 кружки молока, тогда какъ у русскихъ корова даетъ 2—3 горшка въ сутки. Поэтому и дѣти чувашъ, за рѣдкими исключеніями, совсѣмъ не видятъ молока: имъ дается только простокваша (уйран), получаемая послѣ пахтанья. Это, конечно, северно отражается на здоровьѣ чувашъ. Такъ какъ все таки невозможно оставить на племя всѣхъ жеребятъ, телокъ и ярокъ отъ приданнаго скота снохъ, то возникаетъ въ семьѣ вопросъ: чьихъ жеребятъ или телокъ колоть или продать, чьихъ—оставлять на племя. И вотъ, на этой почвѣ возникаютъ часто семейные нелады, ованчивающіеся раздѣломъ семьи. Говоря о семейныхъ отношеніяхъ чувашъ, нельзя не упомянуть объ одномъ характерномъ обычаѣ чувашъ, именно: чувашки-снохи никогда не показываютъ своему свекору и женатымъ деверьямъ, а равно и нареченнымъ отцамъ (хыйматлыхамъ) волосъ и босыхъ ногъ. Если случайно, по неосторожности, онѣ провинятся въ этомъ предъ кѣмъ-нибудь, то должны искупить свою оплошность штрафомъ: подарить ему полотенце или кисеть, или что-нибудь другое. Въ этомъ обычаѣ г. Жиро-Тѣленъ видитъ остатокъ реакціи противъ существовавшаго въ первобытныя времена коммунизма половъ и кровосмѣшенія ¹⁾. Это очень вѣроятно.

¹⁾ Происхождение семьи. О состояніи общества до патриархальнаго періода. Прилож. къ журн. Знаніе за 1876 г., стр. 53.

Приложенія.

№ 1. Такмак.

„Асәнни ситѣ кун, тухни висѣ кун; утсем ырхан пулѣс, сұлсем хура пулѣс: ситеймеремѣр вѣхѣта, айѣп тумасѣрѣнѣ есир пире, тайѣн пусѣм сире (пур те пусѣсапѣсѣ). Утмѣл сұхрѣм хура вѣрман урлѣ килтѣмѣр, ситмѣл сұхрѣм сѣсен хир урлѣ килтѣмѣр. Утмѣл сұхрѣм хура вѣрман урлѣ вѣснѣ зухне пѣр пѣлан куртѣмѣр: унѣн мѣйраки вѣсѣ ылтѣн иккен, зѣрни вѣсѣ кѣмѣл иккен, мѣйракипе шѣйѣраѣ те йѣр тѣваѣ, зѣрнипе пусаѣ те сұл тѣваѣ. Сѣван сұлѣпе килтѣмѣр. Сѣкѣ туй халѣхѣ: айѣп тумастра? вѣтетре? хапѣл тѣватра?“ тет. Тухса иккен калѣт: „вѣтетпѣр, хапѣл тѣватпѣр“. тет. Леш калѣт: „Ситмѣл сұхрѣм сѣсен хир урлѣ килнѣ зух куртѣмѣр епир сил—сунатлѣ урхамах: унѣн пусѣ пѣлѣте тимест, ури сѣтре тимест; утни—йуртни сисѣнмесѣ: шыв пѣк йухат, сил пѣк вѣсѣт, сѣв урхамах сине утланса килтѣмѣр епир сѣк туйѣ. Сѣсен хир варринѣ сѣвра кұлѣ, кұлѣ варринѣ ылтѣн йупа, ылтѣн йупа тѣрринѣ ѣмѣрт кѣйѣк; унѣн ури пѣхѣр, сунѣзѣ вѣмѣл, сѣмси ылтѣн; урипе тапаѣ, сунѣзѣпе сунѣт, сѣмсипе вѣйѣ калѣт; сѣв вѣйѣ сассипе килтѣмѣр епир. Сѣв сұлпа килнѣ зухне сѣк хѣтасен йалѣ курѣнѣ хула пѣк, сурѣѣ умне ситрѣмѣр, сурѣѣ курѣнѣ кантур пѣк: хапхи тѣват йупалѣ, висѣ хупалѣ, сийѣ калѣй, йули мѣрѣен, хуппи вѣленѣ, тѣлси пѣхѣр, тытѣвѣзѣи вѣмѣт; вѣл хапха сил—хѣвелпе шалтѣртатаѣ, хѣрѣ хѣвелпе йалтѣртатаѣ; сѣк хѣта пире хапхине усѣа вѣтсе хапѣл туса тѣраѣ; вѣл хапхаран кѣрсен, хѣтанѣн карташ пит пысѣк иккен: урлѣшѣ вѣтѣр утѣм, тѣрѣшшѣ утмѣл утѣмѣл утѣмра утмѣл йупа, кашни йупара утмѣл унѣй, утмѣл утѣм, унѣран пѣр унѣине утсене вѣкарса кантарма памѣ-ши? епѣ ытмастѣп, вѣрѣ ытѣт. Вѣсѣе пыракан ѣмѣрт кѣйѣк та уртѣш йывѣсѣ сине ларса канѣт. Сѣк хѣтанѣн карташ варринѣ ултѣ хѣласлѣ пѣрѣѣ пур: тултан пѣхсан сѣкѣр вѣтес, ѣшне вѣрсен тѣват вѣтес, тѣват вѣтессинѣен пѣр вѣтессине пирѣн сѣк туй халѣхне вѣрсе тѣма ирѣк пулмѣ—ши? (Хѣта калѣт: пиртен ирѣк, тет.) Вѣл пѣртѣн ѣшѣнѣ

99 хами пур иккен, 88 сакки пур иккен, 99 хаминҗен пёр хамине пире авалхи йалапа выдаса кулма ирэк пулмё-ши? Епё каламастай, сак кёрү калай, епир кәна мар, Турә хушнине сесен хир те шевле выдәй. 88 саккинҗен пёр сакки сак туй халәхне ларса канма ирэк пулмё-ши? Епё ыйтастай, кёрү ыйтай: епир кәна мар, вёссе пыракан ймарт каййа та урттай йывәсё сине ларса канай. Ултә хәләслә пүрт йшёнҗе хәтанән ултә хәләслә сётел пур иккен; вәл ултә уралә сётел сивҗе пёр пусёнҗе сирсе сирёлми сим пыл ларай, тепёр пусёнҗе тутлә шерпет ларай, сим пылла тутлә шерпет хушшинҗе ылтән тиркё ларай, ылтән тиркё сивҗе сурхат выдәй, сав сурхат нек пире выдаса кулма ирэк пулмё-ши? Са в хәта пирён сак туй халәхне вётсе сәра тунә иккен; сәрине сивҗе хут тунә, сивҗе хут туса сивҗе пасманаран тунә. Нүхрепре пиҗетлесе хунә пиҗёке пур иккен, пиҗёки хёрөх кәшәллә, икё пәккәллә тет; пёр пәввинҗен сим-пыл йухай, тепёр пәввинҗен тутлә шерпет йухай. Сим—пылне ёссен үсёр пулмалла, тутлә шерпетне ёссен тутлә каласмалла. Вәл ёске ёснө сёре сивҗе хәтёрленё: сивҗе сұлхи вәкәрё пулнә, сивҗе сұлтанпа сивҗе вётёве кёмен, кәсәлхи сұл сав вәкәра пирён аҗа туйё хәтёрне тытса пуснә иккен. Унән иккёмөш җыса хәтёрленё пилёк сұлхи хура така пулнә, пилёк сұлта пиллөк вётёве кёмен, вәл пусёне те сёкнө, куҗёне те сёкнө, сав такана кәсәлхи сұл сак пирён аҗанән туйөшөн тытса пуснә. Тата виссёмөш җыса хәтёрленё висё сұлхи кәрәккә пулнә, висё сұлта виссё сёре анман, шав хуралтә тәрринҗе шулап тәрәх сунатланса вёссе сүренө, сав вәрәккана Турә хушнине кәсәлхи сұл силтәвәл тёртсе антарнә, хәта йна сав туй халәхөшөн тытса пусса пёсерсе хәтёрленө. Вәл ёске-сике сисе-ёссе тәраннә сёре сак хәтанән улма савҗе пур иккен, улма савҗе варринҗе мунҗа пур, мунҗи урттай йывәсёнҗен, сийё калай, лапки кёленҗе, җулө мерҗен, йшши шерпет, милөкө пурсән, валашки пәхәр, курки кёмөл. Сак хәга пур туй халәхне сав мунҗана күртсе савантараспән тет. Сав мунҗаран тухнә сёре сак хәта җис хәтёрлет. Унән висё витре кёрекен сәмавар пур, вуник пуслә

сәлен пек җашкарса ларат. Сәмавар таврашәнҗе вун-икә парә җашкә сине җей тултарса хунә, сак туй халәхне ларса ёсме хатәрленё. Сак пирён хәта лайәх кәмәллә иккен, кам туйа билменнине тепёр хут шилёк йыхәрма йама крыльца умне ылт-тән силхелё, кәмёл җәрвелё улма—җәпар ут кәварса хунә иккен. Ей хәта, тулҗе-и кәмәләр? Кунтан ытла сәмахәм сук, сиртен ытла савнә сьннәм сук. Ситмен пулсан ситерёр, ытла пулсан ан айәлләр. Ей хәта, тав сана, тайма пусәм! (пус-сапат): Тайма пуса хёс витмен, ман сәмахәм сире витес сук. Тав сана, тайма пусәм! (пуссапат).

Хёр йёрри.

1. Хура вәрман әшёнҗе
Хурләххан татаҗ пёр аҗа;
Ашшё—амәш парсассән
Йёрет те вайаҗ хёр—аҗа.

2. Ырә ут вилет ытвәнса
Ырә урхамах йёрёпе;
Ман туй вилет шавласа
Атте—анне йаҗёпе.

3. Вёрене тутка сыпәнаҗ,
Хурән тутка хуҗәлаҗ;
Атте сёмйи катәлаҗ,
Сьҗё йут сёмйи хутшәнаҗ.

4. Тимёр суна, йёс тупан,
Сути йултәр сул сине;
Йёс шәнкрыв пек сассәмсәм
Йанәра йултәр әрама.

5. Кәмёл кёпер ёрешетвине
Хамәр хурса вәсрәмәр;
Атте халхи ырәсла,
Хамәр усса вётёмёр.

6. Хура вәрман вуттине
Еп вәсмәсәр кам вәсас;

Хамәр вәссән аҗине
Еп каймасәр кам кайас.

7. Атәл уләх улма пек,
Ман тәвансем улпут пек;
Тәвансем пур те лайәхран
Йури туйла тутартәм.

8. Йенҗёк тулли пәхәр укса,
Пётём пасара сав пухаҗ;
Вун-тәхәр сулхи пусәмпа
Пётём тәвана хам пухрәм.

9. Хура курак билнё-ске,
Җёпё йәтма билнё пулё.
Улхаш җәваш, хура җәваш
Мана илме билнё пулё.

10. Сиврём вәсрәм пахҗана,
Мәвәң җеҗек пулё тесе,
Мәвәң җеҗек пулмарё.
Җупрәм тухрәм әрама
Хамәр савни пулё тесе;
Хамәр савни пулмарё,
Турә сьрни пулайрё.

11. Җупрәм антәм сьрмана

Кёмёл сѣрѣ пулѣ тесе;
Тӕхлан сѣрѣ пулайрѣ,
Кёмёл сѣрѣ пулмарѣ;
Ӕупрӕм кетѣм пѣр пӕрте,
Хамӕр сѣмйе пулѣ тесе,
Хамӕр сѣмйе пулмарѣ,
Йут сын сѣмйи пулайрѣ.

12. Ӕупрӕм антӕм сӕрманна,
Шӕма кѣпси пулѣ тесе,
Шӕма кѣпси пулмарѣ,
Шӕрӕшлӕ кѣпсе пулайрѣ.
Тӕван тесе Ӕупрӕм та,
Сӕгѣ йут ази пулайрѣ.

13. Ивѣ витре шыв ӕсрӕм,
Пусма умне лартайрӕм,
Ахах йатӕм—путмарѣ,
Кёмёл йатӕм—йухмарѣ,
Сав Кив-Улхаш аӕине
Пѣр те ӕунӕм савмарѣ;
Турӕ сырни йамарѣ,
Турӕ сырни—сӕс сӕхни:
Сивѣтсен те сивѣнмест.
Пѣр те Турӕ сӕрманни
Сивѣтмесен те сивѣнет.

14. Шӕнвӕр-шӕнвӕр шыв
йухаӕ,
Хӕмӕшпа хӕйах хушшинӕ;
Хӕр ӕмѣрѣ иртет-ске.
Шурӕ пѣркенӕгӕв аӕнӕгӕ.

15. Мамӕв минтер, хӕмазӕ пит,
Ан хур, инке, лармастӕп;
Атте хапхи вырӕсла.
Ан ус, тете, тухмастӕп.

16. Сӕтсӕ вѣпе тӕсѣмсѣр,
Самрӕв пусӕм телейсѣр.

17. Хура вӕрманти хурӕвӕка
Хире тухман, уй курман;
Сав Кив-Улхаш аӕисем
Вӕййа тухман, хӕр курман,
Мавран пусӕне хӕр тухман.

18. Шӕлӕр-шӕлӕр сӕмӕр сӕват,
Ӕӕреге витѣр курӕнат;
Епѣ ырӕ курмасси
Пӕхса витѣр курӕнат-

19. Шӕлӕр-шӕлӕр сӕмӕр-
сӕват,
Мана сӕран вам парас;
Сӕгѣ йут йишлӕ, еп пѣгӕен,
Манӕн хута вам кѣрес.

30. Кёмёл сѣрѣ пысӕв мар,
Унӕн кусѣ ахах мар;
Епир сын пек пысӕв мар.
Епир сынна йурас сук.

21. Вѣл-вѣл гӕгӕк, вѣл гӕгӕк,
Вѣлле сӕнги сар гӕгӕк,
Гӕгӕк вѣссе кайсассӕн
Вѣлле илемѣ кайаӕ-ске,
Ах, аннесѣм, аттесѣм!
Епѣ тухса кайсассӕн
Кил илемѣ кайаӕ-ске.

22. Ивѣ талир, пѣр талир,
Пѣтѣм пасара сав пухаӕ:
Вунтӕхӕрти пусӕмпа
Пур тӕвана хам пухрӕм.

23. Хура вӕрман варринӕгӕ
Вѣрене тутӕа сѣрет-ске;
Ай-хай, сӕмрӕв пусӕмсӕм
Сӕгѣ йут килѣнӕгӕ йѣрет-ске.

24. Атте лаши—турӕ лаша,
Йури тѣпе вӕлтертѣм;

Хуранташ-ару лайх тесе
Йури туйла тутартам.

25. Ах, аннесём, аннесём!
Манан ыра тусамсам!
Пурантамар иксёмёр
Пёр йавари кайык пек.

26. Сырма тарых тетёре:
Кайык вёсни куранмаст;
Атте-анне килёнзе
Ёмёр иртни сасёнмест.

27. Пасар йёки—сёне йёке;
Пётёрмесёр сасси сук;
Епё пырас кил аңзё:
Пымасарах сася пур;
Йёс тугунла урапар,
Йёре йултар сул сине,
Йёс ханкрав пек сассамсам
Йанара йултар сак йала.

28. Ахъ, аннесём, аннесём:
Хуран тулли сёт сакрё,
Вёрене вутти хузё те,
Вёре таттар терё пулё;
Ситзё йута пазё те,
Йёрсе таттар терё пулё.

29. Кывак-кывак кывакартуфин
Шаваслах тарых кувалай,
Шаваслах вёсне ситсесён
Ик суназёпе шап сапат;
Ах, аннесём, аннесём!
Мана парса йарсассан
Ик аллине шарт сапат.

30. Сярля-сярля келёнзе
Сяр-сяр туса кайрё-ске,
Сул ситмесёр пазёс те,
Ас көмесёр аң кайрё.

31. И йур сурё, йур сурё,
Сёрё йепле зятрё—ши;
Мана кэсэл сын сирё,
Турри йепле турсё—ши.

32. Пирён атте пуйан мар,
Виэ кун туни сари пур;
Ватти пулё, самрак пулё,
Пур те пырар сара ёсме.

33. Пуртрен тухрам, тайалтам,
Кил-йышсензен уйаралтам,
Палтарган тухрам, тайалтам,
Тавансензен уйаралтам,
Хапхаран тухрам, тайалтам,
Танташсензен уйаралтам;
Йалган тухрам, тайалтам,
Йал-йышсензен уйаралтам;
Фикрен тухрам, тайалтам:
Сёр-шывсензен уйаралтам.

34. Хура савман селетрём;
Кёске тесе ан калар;
Курса пёлсе илетёр,
Назар тесе ан калар.

35. Хура лаша силхине
Йёс турапа турассё:

Епё кайас астана
Кам бурни мён хурлассё.

36. Пусса-пусса пына зух
Урам шуса каймин-зё;
Уссе—уссе пына зух
Пусам сайа каймин—зё.

37. Шанкяр-шанкяр шыв йу-
хай,
Сёр синзен мар, зул синтен,
Есёр, сийёр тавансем,
Сук синзен мар, пур синзен.

38. Хура вәрман хуххине
Хурлә татағ пәр аға,
Апшә—амаш парсассан,
Йерет те кайағ хәр-аға.

39. Таваткәл вәсәсе, шур вәсәсе,
Ах, ан сарәр, лармастаң;
Ах, аттесәм, аннесәм!
Таваткәл минтер ан тытәр,
Еп лармастаң ун сине,
Ан уса́рах халхара,
Еп тухмастаң ву килтен.

40. Атал хәррине ситмесәр
Атта хывса хурас мар;
Сиҗә йут килне ситмесәр
Сиҗә йут әсне тытас мар.

41. Вун-ив мерҗен шыв синҗе,
Пухса илес-җә, шыв асла;
Кәҗал мана сын сини,
Таварас-җә, йал асла.

42. Кәске саран утине
Сулас теттәм пәр-ив вун;
Атте анне ыра́йхне
Ларас теттәм пәр-ив сул.

43. Шурә җәлха сырмарәм,
Арама тухса лармарәм,
Йала тухса сүремерәм,
Атте питне пәсермерәм,
Хаман йатама йамарәм.

44. Епә кайрәм пасара
Ивә пусләх йәп влме:
Илессине илтәм те,
Сип тиркемин йурә-җә;
Сиҗә йутан аҗине
Кайассине кайрәм та,
Сын тиркемин лайәх-җә.

45. Епә пырас сул сине
Йетән авса тултарна,
Епә пырас киле те
Елек парса тултарна.

Иепле пырса кәрем-ши,
Пуҗама йывар килмә-ши?
46. Атал урлә вәсмәттәм,
Касарайҗәс кимәпе,
Атте киләнҗен тухмәттәм,
Сиҗә йут мулә кәларҗә,
Пыләпеле улталарә.

47. Кәмәл сәрә пулаттәм,
Атте аллинҗе пулаттәм,
Атте ывалә пулаттәм,
Атте суртне тытәттәм.

47. Ивә тутәр пәр вәсрен,
Хазә касрә, уйәрҗә;
Епир ивәен пит тус-җә,
Сырни тухрә, уйәрҗә.

49. Сырма тулли шыв йухағ,
Сыранне йывәр килмә-ши;
Сиҗә йута кайсассан,
Пуҗама йывәр килмә-ши?

50. Сыранә сүлә, сәрт лутра,
Улахаймарәм, мән тавас;
Турә Пүлэх сырнинҗен
Иртеймерәм, мән тавас!

51. Тупәлха турта, турә лаша,
Турти кәске пулмин-җә;
Кайна выранәм анмасан
Емәрәм кәске пулмин-җә.

52. Турәран сывләх ытатәп,
Патшаран ыра́йх кәтетәп.

53. Авкәш вәсәсе пина җух
Кам вурни пур урине;

Џиџѣ йута вайсассан
Кам курни пур ырине.

54. Улӑх тӑрӑх утӑ султӑм,
Улма йывӑс тӗл пултӑм;
Улма йывӑс сулҫӑсӑр,
Ман ҫамрӑк пуҫ телейсӗр.

55. Турӑ лашам тулӑвсӑр,
Сул суҫ ҫере сул хыврӗ,
Пирӗн аттен пӗлмени:
Пӗр вӑхтсӑр хӗр паҫӗ.

56. Хура-хура кураксем,
Хура ҫӗр ҫинҫе тӑранман,
Хуралтӑ ҫине сӑрса илнӗ;
Џиџѣ йутӑн туй халӑх
Йевӗҫе килӗнҫе тӑранман,
Атте килне сӑрса илнӗ,
Ман пуҫ ҫине тӑрӑннӑ.

57. Җупрӑм антӑм ҫырмана.
Йухрӗ тухрӗ шерепем.
Пур пур тӗслӗ шӑрҫам пур,
Ылтӑн тӗслӗ шӑрҫам суҫ;
Пур пур тӑван пур те пур,
Енӗ ыран кунта суҫ.

58. Йухлӑх тӑрӑх шыв йухаҫ,
Алӑ ҫума йурамаҫ,
Алӑ ҫума йурасан,
Мӗшӗн питӗме ҫумӑп-ши.
Атте-анне килӗнҫе
Емӗр ларма йурамаҫ,
Емӗр ларма йурасан,
Мӗшӗн емӗр лармап-ши?

59. Атте пӑрҫӗ пысӑв пӑрт,
Џиџѣ йут пусса пӗтерҫӗ;
Еп тухмӑттӑм ҫак пӑртрен,
Џиџѣ йут мулӗ кӑларҫӗ.

60. Атте ҫурҫӗ шӗшкӗлӗх,
Шӗшкӗлӗхре мӑйӑрлӑх,
Анаттӑм та тататтӑм;
Џиџѣ йут ҫурҫӗ йуманлӑх,
Йуманлӑхра ҫеленлӗх,
Кӗрсесӗн те ҫӑш тӑваҫ,
Тухсассан та ҫӑш тӑваҫ,
Йепле пырса кӗрем-ши?

61. Сар ҫамарта кустартӑм,
Йушкӑн айне путрӗ-ҫке;
Џиџѣ йут килне кайсассан
Сӑмах айне пулӑп-ҫке.

62. Ах, аннесӗм, аннеҫӗм!
Купӑста акрӑн, ҫстертӗн,
Лартма ырӑн тупмарӑн;
Пукане пек хӗр турӑн,
Пама ырӑн тупмарӑн.

63. Ирех тӑтӑм ирӗксӗр,
Питме ҫурӑм супӑҫсӑр;
Еп каймарӑм ирӗкпе,
Атте паҫӗ ирӗксӗр.

64. Кӗмӗл ҫерӗ пӑрахса,
Пӑхӑр ҫерӗ тӑхӑнайрӑм;
Йал азине пӑрахса,
Йал йал урлӑ кайайрӑм.

65. Мамӑв минтер хӑпармас,
Ҫийелти пиҫӗ тӑвартан,
Манӑн кӑкӑрӑм ҫаврӑнмас,
Кӗсӗнтен хуйхӑлӑ ҫснӗрен.

66. Кӗске ҫаран утине
Ҫӑлтӑм ывӑс тулиҫҗен,
Лартӑм атте килӗнҫе
Атте кӑмӑл тулиҫҗен.

67. Улаҫа вӗпе ҫелерӗм,
Кӗске тесе ан валӑр,

Ҷиғе йута йураям,
Назар тесе ан калар.

68. Тэхар така усракан
Пёр кёрёксёр йулакан,
Хёр суйласа сўрекен
Инге арёмсар йулакан,
Инге арёма Тура куртар,
Усал та пулсан хёр пултар,
Хёр пултар та пур пултар,
Пурсан кёпе тэхантар,
Пурсан кёпи ан пёттёр,
Ҷак йалта хёр ан пёттёр.

69. Вёл-вёл ژهёек, вёл ژهёек,
Вёлме синзи сар ژهёек,
Вёссе анассан туййнай,
Атте килёнзен тухна ғух
Ғун тухассан туййнай.

70. Ҷўле ту сине ханарма
Йёс таканла ут кирлё:
Ҷиғе йута йурама
Ғёкес ғёлхелё сын кирлё.

71. Шуря тутар пётертём,
Ҷаварни кун сыхас пек,
Синсе пўме ўстертём
Йал ағине кайас пек.

72. Аккаш билет картице,
Кам курни пур урине?
Сын савнине кайакан
Кам курни пур ырине?

73. Ушкян ушкян тупалха,
Хашё шупка сав ытла
Мён пур таван хушшинзе
Пайанхи кун еп ытла.

74. Сарлаҳ синзе сар кайак,
Сасси пур та хайсем сук;

Ах, аттесём, аннесём.
Йағе пур та хайсем сук.

75. Ҷўл ту сине ханартам;
Емёр кайми йур куртам;
Ах, аккашам, аккашам!
Пёрре ларма килтём те,
Ғунрар тухрар арама,
Хамар таван пуле тесе.

76. Хура варманти хуряна
Хане сўреме сул тупман,
Ҷак сиғе йут ағисем
Манран пусне хёр тупман.

77. Улах ути улма пек,
Манян йисна улпут пек;
Ҷёрти сырла шарса пек,
Манян акка пиве пек.

78. Ман аттене мул кирлё.
Ҷиғе йута йиш бирлё.

79. Атте сурзе утмал халас,
Ут пек ғупса сўреттём,
Атте—аннене йураям;
Ҷиғе йут картиш ситмёл халас,
Сил пек вёссе сўресен те,
Ҷиғе йута йурас сук.

80. Кайак—кавакал ағстёлте?
Ҷиғе сырма хушшинзе?
Кайак-хур ағста кавалай?
Ҷиғе хула хушшинзе;
Ах, аннесём, аннесём!

Сан хёр сасси ағстёлте?
Ҷиғе йутан килёнзе.

81. Хура пурсан писиххи
Пилёём тавра савранзе,
Вун-ик савранан ал-сыххи
Аллам тавра савранзе;

Сизё йутан аҗипе	Ситмёл хәма тәрәшне
Сүсём пёрҗи сыхлантё.	Ситсе курса пулмарё,
82. Утмал хәма тәрәшне	Җунәм савман аҗаран
Утса тухса пулмарё,	Пусма хатарса пулмарё.

№ 3. Прощальные пѣсни невѣсты.

1. Въ темномъ (дремучемъ) лѣсу смородину собираетъ паренекъ; если захотятъ родители, плачетъ да идетъ (замужъ) дѣвушка.

2. Несется вскачь дсбрый конь по слѣдамъ добраго аргамака; ѣдутъ съ шумомъ поѣзжане моего жениха, чествуя моихъ родителей.

3. Кленовые бруски ¹⁾ наставляются, березовые бруски обламываются; семья моего отца убавляется, чужая семья прибавляется.

4. Желѣзные сани, мѣдные полозья; пусть блескъ отъ нихъ останется на дорогѣ; голосокъ мой какъ мѣдный колокольчикъ, пусть звукъ его останется на улицѣ.

5. Мы сами устроили мѣдные перила на мосту и сами переѣхали (по нему); ворота моего отца (сдѣланы) порусски, мы сами отворили ихъ и въѣхали.

6. Въ дремучемъ лѣсу кому рубить дрова, кромѣ меня? За парня изъ нашей улицы кому выйти кромѣ меня?

7. Волжскій островъ какъ яблоко, мои родственники какъ господа; такъ какъ всѣ родственники у меня хороши, нарочно я велѣла сдѣлать полную свадьбу.

8. Полный кисетъ мѣдныхъ денегъ собираетъ цѣлый базаръ; я, девятнадцатилѣтняя дѣвушка, собрала всю свою родню.

9. Ахъ, прилетѣла злая ворона, видно, за цыпленкомъ она прилетѣла! Алгашинскій чувашинъ—недобрый чувашинъ: видно, за мной онъ приѣхалъ.

10! Я взяла и перепрыгнула въ огородъ, думала, что тамъ макъ цвѣтетъ, но не оказалось тамъ маковаго цвѣтка. Встала и побѣжала на улицу, думала, тамъ мой милый дружокъ; милаго моего дружка не оказалось, а оказался Богомъ суженный.

11. Я встала и побѣжала на рѣченьку, думала, тамъ серебряное колечко, серебрянаго колечка не оказалось, а оказалась оловянное кольцо; встала и побѣжала въ одинъ домъ, думала, что тамъ своя семья, но не своя семья оказалась, а оказалась чужая семья.

12. Встала и побѣжала на рѣченьку, думала, тамъ коровка (растение), коровки тамъ не оказалось, а оказалась вонючая дудка (вехъ); побѣжала, думая встрѣтить родного, а оказался чужъ—чужанинъ.

¹⁾ Въ чув. текстѣ «тутка», слово для насъ непонятное.

13. Я почерпнула два ведерка водички, поставила ихъ передъ крыльцою; сердоликъ (туда) пустила—не тонетъ, серебро пустила—не плава-етъ; къ этому Старо-Алгашиинскому молодцу не лежало совѣтъ мое сердце, но отъ Божьяго опредѣленія не пришлось уйти: Божье опредѣленіе—все равно какъ запутавшіеся волосы, (Богомъ суженаго) никакими наговорами не отвадишь, а вовсе Богомъ не суженый и безъ наговариваній отстанетъ.

14. Съ журчаніемъ течетъ вода между камышемъ и осокой; ахъ, кончается вѣкъ дѣвичій подъ бѣлой фатой!

15. Пуховая подушка, кумачовая наволочка. Лучше и не клади ея, невѣстка, не сяду я на нее; ворота моего батюшки по русски (сдѣланы): лучше и не отворяй, братецъ, не выѣду я.

16. Ситцевая рубаха не ноская, молодая моя головушка безталанная!

17. Ястребъ, живущій въ дремучемъ лѣсу, ни разу въ поле не вылеталъ, поля не видалъ; эти Старо-Алгашиинскіе парни ни разу въ играхъ не бывали, дѣвущекъ не видали, кромѣ меня будто и дѣвущекъ не нашли.

18. Дождь идетъ, накрапываетъ, сквозь окошко вижу я; что не видать мнѣ добра (замужемъ), это ясно вижу я.

19. Дождь идетъ, накрапываетъ, кто дастъ мнѣ кожу (накрыться)? чужь-чужанинъ не одинъ, я одна: кто заступится за меня?

20. Серебряное колечко не велико, глазокъ его не изъ сердолика; мы не большіе люди, какъ другіе, мы не сможемъ понравиться людямъ.

21. Тихо—тихо колыхнется цвѣточекъ, желтый цвѣточекъ на улесчкѣ; когда съ улья слетитъ цвѣточекъ, красоту свою потеряетъ улей; ахъ, батюшка, ахъ матушка! Когда я уйду изъ нашего дома, онъ потеряетъ свою красоту.

22. Два—талера съ талеромъ (?) собираютъ цѣлый базаръ, будучи девятнадцатилѣтней дѣвущкой, я собрала всю родню.

23. Среди дремучаго лѣса гнѣтъ кленовый брусокъ; ахъ, молодая моя головушка плачетъ—убивается въ чужомъ домѣ.

24. Батюшкинъ конь—гнѣдой конь, я нарочно велѣла его въ корень запрячь; зная, что родня у меня хорошая, я нарочно велѣла сдѣлать полную свадьбу.

25. Ахъ, матушка моя, матушка, милый мой дружочекъ! Жили мы съ тобою какъ двѣ птички въ одномъ гнѣздѣ.

26. По рѣчкѣ (стелется) туманъ: не разглядишь летающихъ птицъ; въ домѣ батюшки и матушки и не замѣтишь, какъ проходитъ вѣкъ.

27. Базарное веретено—новое веретено: пока не прядешь, не слышно его жужжанья; Хорошъ-же оказался домъ, куда я иду: не успѣла еще я войти въ него, а обо мнѣ уже идутъ пересуды; съ мѣдными ободьями у васъ колеса, пусть слѣдъ отъ нихъ останется на дорогѣ; голосокъ мой какъ мѣдный бубенчикъ, пусть звукъ его останется въ этой деревнѣ.

28. Ахъ, матушка моя, матушка: полонъ котелъ молока она повѣсила (кипятить), кленовыхъ дровъ подложила она, «пусть кипитъ» думала,

видно, она; за совѣтъ чужого выдала она меня, «пусть плачетъ» думала, видно, она.

29. Сизый—сизый голубочекъ, по крышѣ онъ бѣгаетъ, когда добѣжить до края крыши, «хлопъ!» ударяетъ обѣими крыльями; ахъ, матушка моя, матушка! Когда выдастъ меня замужъ, «хлопъ!» ударить она обѣими руками (съ горя).

30. Разноцвѣтное стекло растрескалось вдоль и поперекъ; выдали (меня), пока я на успѣла подрости и войти въ разумъ, и не знаю я теперь, что мнѣ дѣлать.

31. Долго, долго шелъ снѣгъ, какъ это только стерпѣла земля! Ёли, ёли (осуждали) меня нынче люди, какъ это только стерпѣлъ Богъ!

32. Нашъ батюшка не богатый человекъ, а (все таки) есть у него пиво, которое варили цѣлыхъ три дня; старье-ли, молоде-ли, всѣ идите пиво пить.

33. Вышла изъ избы, поклонилась, отъ семьи своей отдѣлилась; изъ снѣней вышла, поклонилась, отъ родни своей отдѣлилась; изъ воротъ выѣхала, поклонилась, отъ сверстниковъ своихъ отдѣлилась; изъ деревни выѣхала, поклонилась, отъ односельчанъ своихъ отдѣлилась, за грань (родной земли) выѣхала, поклонилась, отъ родной земли отдѣлилась.

34. Черный кафтанъ сшила я, не говорите, что коротокъ. Видя и зная берете (меня), не говорите (послѣ), что плохая я.

35. Гриву вороного коня мѣднымъ гребнемъ росчесываютъ; суженаго моего молодца кто ни увидитъ всѣ расхаживаютъ.

36. Пока я иду, пока шагаю, какъ-бы ноженьки мои не поскользнулись; пока я прихожу въ возрастъ, какъ-бы головушка моя не пропала даромъ.

37. Течетъ, журчитъ рѣченька, не по землѣ, а по камешкамъ. Ёшьте, пейте, родные, не въ такой мы бѣднотѣ, чтобы нечѣмъ было угощать васъ.

38. Во дремучемъ лѣсу грустно ходитъ молодецъ и дудки ¹⁾ рветъ; если захотятъ родители, плачетъ да идетъ (замужъ) дѣвушка.

39. Четырехугольного войлока, бѣлаго войлока ²⁾, лучше не стелите, не сяду я; Ахъ, батюшка, ахъ матушка! лучше и не берите четырехугольной подушка, я не сяду на нее, лучше и не отворяйте воротъ вашихъ, я не выѣду изъ этого дома.

40. Пска къ Волгѣ не доѣхала, сапогъ снимать не буду я; пока въ чужой домъ не пріѣхала, чужимъ умомъ не буду я жить.

41. Двѣнадцать коралловъ въ водѣ, надо-бы ихъ собрать, но вода велика; ахъ, чего чего не говорили нынче про меня: отомстить-бы, но деревня велика!

42. На маленькомъ лугу два-три дня хотѣлось мнѣ покосить травки;

¹⁾ Общее названіе растеній съ полымъ стеблемъ.

²⁾ Чуваши для гостей кладутъ на нары войлокъ.

по милости батюшки и матушки хотѣлось посидѣть (въ дѣвѣцахъ) еще два-три годика.

43. Бѣлыхъ чулокъ не надѣвала я, по деревнѣ не шаталась я, родителя красить не заставила я, (добраго) имени своего не потеряла я.

44. Ходила я на базаръ, чтобы на двѣ копейки иголокъ купить, купить-то купила я, хорошо, какъ онѣ будутъ подходящи къ ниткамъ; выйти-то вышла я (замужъ) за чужого молодца, хорошо, какъ онъ не будетъ мною пренебрегать.

45. По всему моему пути—дороженькѣ льну понасыяно; домъ моего жениха наполненъ клеветой (на меня); ахъ, какъ только мнѣ войти въ него! Не пришлось-бы тяжеленько моей головушкѣ.

46. Не перешла-бы я черезъ Волгу, да на лодкѣ переправили меня, медомъ обманули (моего батюшку).

47. Если-бъ была я серебрянымъ колечкомъ, была-бы (всегда) на рукѣ своего батюшки, если-бы я была батюшкинымъ сынкомъ, управляла-бы я батюшкинымъ домомъ.

48. Два платка въ одномъ кускѣ, ножницы разрѣзали, раздѣлили; неразрывные друзья мы были съ тобою, судьба вышла, раздѣлила.

49. Течетъ рѣка полна воды, какъ-бы тяжеленько не пришлось берегамъ; иду за чужого молодца: какъ-бы трудненько не пришлось моей головушкѣ.

50. Холмъ низокъ, берега высоки, что дѣлать: не смогла я взойти. Отъ того, что суждено Богомъ и Раздѣлителемъ, не смогла я уйти, что мнѣ дѣлать?

51. Оглобли изъ таволги, конь гнѣдой, какъ-бы не оказались коротки оглобли; если домъ, куда я иду, окажется неудачнымъ, какъ-бы не оказался коротокъ мой вѣкъ.

52. Прошу здоровья у Бога, жду милости отъ Царя.

53. Когда летитъ лебедь, кому удавалось видѣть его ноги? Когда выходятъ (замужъ) за чужого парня, кто находилъ прокъ (отъ такого брака)?

54. Косила сѣно я на островѣ, встрѣтила тамъ яблонное дерево, яблонное дерево безъ листьевъ, молодая моя головушка безталанна.

55. Гнѣдой мой конь безтолковый: тамъ, гдѣ не было дороги, дорогу проложилъ. Ахъ, эта неразсудительность нашего батюшки: совсѣмъ не во время дочь выдаетъ!

56. Черные, черные грачи на черной землѣ не насытились, обложили кругомъ нашъ домъ. Ну ужъ и люди поѣзжане моего жениха: въ домѣ сватуна не насытились, заполонили домъ моего батюшки, головушки моей захотѣли.

57. Побѣжала я на рѣченьку, рассыпался у меня бисеръ; всякихъ бусъ у меня достаточно, нѣтъ только золотистыхъ бусъ; всякой родни здѣсь достаточно, только меня завтра здѣсь не будетъ.

58. По засоренному (?) мѣсту вода течетъ, для мытья рукъ она не годится, если-бы годилась для рукъ, отчего-бы не умытъ и лица? Въ домѣ

батюшки и матушки вѣкъ сидѣть не годится: если-бы можно было сидѣть вѣкъ, отчего-бы не сидѣть мнѣ вѣкъ?

59. Батюшкинъ домъ—большой домъ, чужъ—чужанинъ одолѣлъ его, я не вышла-бы изъ него, чужое богатство вывело меня.

60. Батюшкинъ домъ—орѣшникъ, въ орѣшникѣ орѣхи, подойду, бывало, и сорву (орѣшковъ); чужой домъ—дубрава, а въ дубравѣ змѣи: войдешь—шипятъ, выйдешь—шипятъ; какъ только войду я (въ этотъ домъ)?

61. Желтое яичко покатила я, въ тинѣ оно потонуло; когда я войду въ чужой домъ, отъ злыхъ рѣчей погибну я.

62. Ахъ, матушка моя, матушка! Капусту ты посѣяла, вырастила, посади мѣста не нашла; дочь родила ты ровно куколку, выдать (замужъ) мѣста не нашла.

63. Встала рано не своей охотой, умыла личико не съ мыломъ, я выхожу не по своей волѣ, а по волѣ батюшки.

64. Снявши серебряное колечко, мѣдное колечко надѣла я; бросивъ молодца изъ своей деревни, за тридевять земель иду я.

65. Не взбивается пуховая подушка, оттого, что наволочка тѣсна; не округляются мои груди, оттого, что въ горѣ росла съ малыхъ лѣтъ.

66. Я дергала на лугу невысокую травку, пока горсть моя не наполнилась; сидѣла я въ домѣ батюшки, пока душа его не насытилась.

67. Пестрядиную рубаху спила я, не скажите, что коротка; чужому парню угодила я, не скажите, что плоха.

68. Девять барановъ имѣющей, безъ шубы часто остается; невѣсть строго выбирающей, безъ вдовы часто остается; Богъ съ нею, со вдовой: хоть плохая, да пусть будетъ дѣвушка; пусть будетъ дѣвушка, да не бѣдная, пусть она ходитъ въ шелковѣхъ; пусть не будетъ износу шелковой рубахѣ, пусть не будетъ недостатка въ невѣстахъ въ этой деревнѣ.

69. Тихо-тихо колышется цвѣточекъ, желтый цвѣточекъ на улечекѣ, кажется, сейчасъ готовъ слетѣть; когда выходила я изъ дома батюшки, кажется, душа моя была готова вылетѣть.

70. Чтобы взвѣхать на крутую гору, надо имѣть коня съ мѣдными подковами, чтобы угодить чужимъ людямъ, надо человѣка съ языкомъ ласточки.

71. Бѣлый платокъ окаймила я, думала, повяжу на масленицу; выросла я свой тонкой станъ, думала, выйду за своего деревенскаго молодца.

72. Летитъ стая лебедей, кому удалось видѣть ихъ поги? когда выходятъ за чужого милаго, кто находилъ прокъ (отъ такого брака)?

73. Кустами растеть таволга, которая бѣлѣе, та и лучше; изъ всей родни въ этотъ день одна я больше всѣхъ.

74. Сидитъ желтая птичка (?) на крылечкѣ, голосъ ея слышно, но самой не видать; ахъ, батюшка, ахъ, матушка! поминаются ихъ имена, но самих не видать.

75. На высокую гору поднялась я, вѣчные снѣга видѣла я; ахъ, сестрица моя, сестрица! разъ на посидѣнки приѣхала я, выбѣжали вы на улицу, желая встрѣтить сестричку свою.

76. Ястребъ, живущій въ дремучемъ лѣсу, не нашелъ себѣ дороги; эти чужіе молодцы не нашли дѣвушки, кромѣ меня.

77. Поемное сѣно словно яблоко, зятюшка мой словно баринъ; яголки на лугу словно бусы, сестричка моя словно барыня.

78. Батюшкѣ моему деньги нужны, чужимъ людямъ — лишній чело-
вѣкъ для семьи нуженъ.

79. Батюшкинъ домъ шестидесятисаженный; бывало, не быстрѣе коня въ немъ бѣгаю, и все-таки угождала родителямъ; чужой домъ семидесяти-саженный: хоть съ быстротою вѣтра бѣгай ты въ немъ, и все-таки не угодишь чужимъ людямъ.

80. Гдѣ-же это дикія утки? А между семью рѣками. Гдѣ-же это гогочутъ дикіе гуси? А между семью городами. Ахъ, матушка ты, моя матушка! Гдѣ-же это слышится голосъ твоей дочери? А въ домѣ чужихъ людей.

81. Черный шелковый поясочекъ вокругъ талии обвился; въ двѣнадцать оборотовъ запасте вокругъ руки моей обвилось; съ волосами чужого молодца мои волосы спутались.

82. Шестьдесятъ досокъ, положенныхъ одна за другой вдоль, не удалось мнѣ пройти; семьдесятъ досокъ положенныхъ вдоль, не удалось мнѣ пройти; отъ немилаго молодца не удалось идѣ избавиться.

№ 4. Хёр суммисен йурри.

Ей хятаşam, хятаşam!
 Ситѣ вапан ыраш пур,
 Ана сапма вин илет,
 Савна сапса пѣтерсен
 Кинне калле йарап тет.
 Ну, тахлаѣšам, тахлаѣš!
 Сиѣ валашка вѣши пур,
 Тават валашки хуртланнă,
 Виç валашки шăршланнă.
 Савна сума вин илет,
 Савна суса пѣтерсен,
 Кинне кўрсе йарап тет.
 Уç—ха, ине, пахѣана,
 Купăсту пуçне курар-ха,
 Ил-ха, йысна, сѣлѣвне,
 Кувша пуçна курар-ха;

Сѣлѣвне идсе пăхсассан,
 Навус синѣи кăмпа пек.
 Арпалăхра ларас-çе,
 Арпа çавса ларас-çе,
 Ах, йыснаšам, йыснаšам!
 Кусна çавса ларас-çе!
 Кус хăрпаххи пит вăрăм,
 Саванпа кусне усаймаçт.
 Пуртă аври пек манви пур,
 Хург—пуçси пек пийти пур;
 Манви мăш-мăш тават-çе,
 Пийти вѣш-вѣш тават-çе.
 Ах, йыснаšам, йыснаšам!
 Виçѣ тёрке пушăтран
 Хăрах сăпата кăларѣ,
 Вăл та пулин сулахай;

Сулахайё тарам-тѣ,
 Вѣл та пулин пасарѣн.
 Ах, апнаѣм, апнаѣм!
(Хѣрѣн йатне асйнаѣсѣ)
 Виѣ пѣрѣѣ йѣтѣнрен
 Керѣ вѣпи кѣларѣѣ,
 Вѣл та пулин шѣтѣвѣлѣ
(Кѣрѣ ѣклесе тунѣ)
 Ана йѣранѣ кувѣѣр,
 Пирѣн йисна сувѣѣр;
 Суни пултѣр сѣрлѣ,
 Пире сѣрсѣр кирлѣ мар,
 Йисни пултѣр вуслѣ,
 Пире сувѣѣр кирлѣ мар.

Путѣр, путѣр! путене
 Урпа ани пуѣсѣнѣ,
 Урпа пуѣсахѣ пит вѣрѣм,
 Ѣавѣнна пуѣне йѣтаймасѣ;
 Ах, йиснаѣм, йиснаѣм!
 Куѣ хѣрпаххи пит вѣрѣм,
 Ѣавѣнна куѣне уѣсаймасѣ.
 Путѣр! путер! путене
 Йѣви тѣлне тупмасѣр
 Ѣерем ѣнѣѣ ѣѣр каснѣ;
 Ах, йиснаѣм, йиснаѣм!
 Ашшѣ вилне тупмасѣр
 Ѣѣр мунѣара ѣѣр каснѣ...

№ 5. Пѣсня дружекѣ.

Ахъ, сватушка нашъ, сватушка! семь копенъ ржи у него, чтобы ихъ обмолотить, онъ беретъ себѣ сноху, а обмолотивши ихъ, назадъ онъ думаетъ прогнать сноху. Ну и свашенька наша, свашенька! семь корытъ немытаго бѣлья у нея, четыре корыта зачервивѣли, три корыта протухли, для стирки этого бѣлья сноху она беретъ, а выстиравши его, сноху думаетъ назадъ прогнать. Отопри-ка, тетенька, огородъ твой, мы посмотримъ на вилки твоей капусты, а сними-ка ты, зятюшка. шапку твою, мы посмотримъ на плѣшивую твою голову, если снять шапку да посмотрѣть на твою головѣ, то она у тебя какъ грибокъ на навозной кучѣ. Ахъ, зятюшка ты нашъ, зятюшка! сидѣть-бы тебѣ въ мякинникѣхъ и шевыряться въ мякинѣхъ, продирая глаза свои! Рѣсницы у него очень длинны, потому онъ не можетъ открыть глазъ. Сопли у него съ топореше, а вши величиной съ раковину; соплями своими онъ шмыгаетъ, а вши у него кишмя—кишатъ. Ахъ, зятюшка ты нашъ, зятюшка! изъ трехъ пучковъ лыка вышелъ у него всего одинъ лапотъ, да и тотъ на лѣвую ногу, да наплевать-бы, что на лѣвую, а главное—вышелъ, точно на баваръ сработанъ. Ахъ, сестричка ты наша, сестричка! (здѣсь поминаютъ имя невѣсты) изъ трехъ волоконъ льна вышла у нея рубашка для молодого мужа, да не простая, а узорчатая (выткана съ узорами). Борозды на загонѣ кривыя, и зятюшка нашъ кривой. Сани (у нашего зятя) пусть будутъ крашенныя, намъ некрашенныхъ не надо, зять нашъ пусть будетъ зрячій, намъ кривого не надо. Пыть! пыть! (кричить) перепелка у ячменнаго загона, у ячменя колось очень длинный, потому не можетъ онъ поднять своихъ ко-

досевъ. Ахъ. аятюшка ты нашъ, зятюшка! рѣсницы у него очень длинны, потому не можетъ онъ открыть глазъ. Пыть! пыть! перепелка, не нашедши гнѣздышка провела ночь на лужайкѣ. Ахъ. зятюшка ты нашъ, зятюшка! не нашедши родительскаго дома, въ банѣ, вырытой въ землѣ, провелъ ночь..

Необходимо замѣтить, что чувашская поэзія при переводѣ на русскій языкъ совершенно утрачиваетъ свою красоту. Извѣстно, что чувашскій языкъ, какъ языки и другихъ инородцевъ Волжско-Камскаго края, по своей конструкціи не имѣетъ ничего общаго съ русскимъ языкомъ, поэтому при переводѣ на русскій языкъ почти невозможно передать отгѣнки и идиотизмы чувашской поэзіи.

Въ чувашской поэзіи часто бросаются въ глаза отрывочность изложенія, безсвязность, неясность сравненій, странные переходы отъ одной мысли къ другой. Иногда встрѣчаются выраженія, не имѣющія дѣйствительнаго смысла. Объясняется это тѣмъ, что чувашаи весьма любятъ въ стихахъ созвучіе въ словахъ (аллитерація) и рѣму, при чемъ подъ рѣму они подгоняютъ слова не только въ концѣ, но часто и въ началѣ стиха. Изъ любви къ рѣмѣ и созвучію они часто жертвуютъ и смысломъ пѣсни, и связностью построенія.

Священникъ *К. Проконьевъ*: